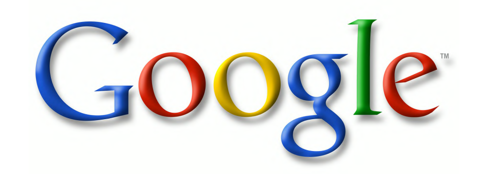

GR
730
.W8
V62
1893a
B 913,002

† Кн. П. П. Вяземскій.

ДВѢ СТАТЬИ

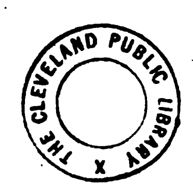
ВОЛКЪ и ЛЕБЕДИ СКАЗОЧНАГО МІРА.

ХОДИЛИ ЛИ СКАНДИНАВСКІЕ ПИЛИГРИМЫ НА ПОКЛОНЕНІЕ КЪ СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ЧЕРЕЗЪ РОССІЮ?

Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ» 1876—1877 г.

ВОРОНЕЖЪ.
Типографія В. И. Исаева.
1892.

Дозволено Цензурой. Москва, 5 Мая, 1893 г.

BELL & HOWELL

Swan (in mythology and folk-lore) 725

Vi͡azemskiĭ, Pavel Petrovich, kni͡az

Двѣ статьи. Волкъ и лебеди сказочнаго міра. Ходили ли скандинавскіе пилигримы на поклоненіе къ Святымъ мѣстамъ черезъ Россію? [Dvi͡e stat'i...] [Two studies: The wolf and swans in folk-lore. Did the Scandinavian pilgrims to Palestine journey through Russia?] [2],93p. Воронежъ, тип. В. И. Исаева, 1893.

p.28-33.

ВОЛКЪ и ЛЕБЕДИ

СКАЗОЧНАГО МІРА.

[1.) Корневой Чувашско-Русскій Словарь, сравненный съ языками и нарѣчіями разныхъ народовъ Тюркскаго, Финскаго и другихъ племенъ. Сост. Н. И. Золотницкимъ, Казань, 1875. стр. VIII†279.—

2.) Uranographie Chinoise ou preuves directes que l'astronomie primitive est originaire de la Chine et qu'elle a été empruntée par les anciens peuples Occidentaux à la sphère Chinoise ouvrage accompagné d'un atlas céleste Chinois et Grec. Par Gustave Schlegel, Dr. en Ph. ancien Interprète du Gouv. des Indes Orientales Néerlandaises, Membre Cor. etc. La Haye et Leyde. 1875. Въ 2-хъ част. gr. in 8°, XIV†929 стр.—

3.) La langue primitive de la Chaldée et les idiomes Touraniens, par François Lenormant. Paris. 1875 gr. in 8°. VI 455 стр.

4.) Български Народни пѣсни. Chansons populaires Bulgares inédites publiées et traduites par Auguste Dozon traducteur des poesies Serbes. Paris. 1875.—XVII†427. Малый in 8°.

5.) Contes populaires de la Grande Bretagne par Loys Bruyere 1875. Hachette. XLVIII†382 стр. in 8°.

6.) Матеріалы для Географіи Азіатской Турціи и Персіи.— Путевой журналъ Е. И. Чирикова. русскаго коммиссара посредника по тур.-перс. разгран. 1849—1852. Изд. Кавк. От. И. Р. Геогр. Общ. подъ ред. М. А. Гамазова, бывшаго секр. поср. Ком., съ картой и портр. Е. И. Чирикова. С. Петербургъ. 1875. с. C†803.]

„Въ Чувашскомъ Словарѣ г. Золотницкаго упоминается крайне любопытное повѣрье о волкахъ, вполнѣ разъясняющее отношеніе вѣщаго Бретонскаго чародѣя Мерлина къ волку, его пособнику и вѣстнику; самое изреченіе Мерлина, что волчица есть олицетвореніе судьбы, основано на ученіи, сохранившемся у Чувашъ.

„Волкъ у Чувашъ называется Пигамбар-йытты, Пигамбарова собака. По языческимъ понятіямъ Чувашъ прежняго времени, Пигамбаръ—духъ, раздающій людямъ, по опредѣленію Кебе (кебе—духъ, управляющій судьбами человѣческаго рода; якут. кӓб, судьба, участь, жребій, доля) душевныя качества и сообщающій йомзямъ пророческія ви-

денія; названіе же его отъ персидскихъ пейгам—вѣсть и бурдень--нести, означаетъ пророка или архангела. Персидскій Пейгӓмбӓръ—пророкъ; у луговыхъ Черемисъ Піамбаръ, младшій жрецъ, приглашаемый на свадьбы и при другихъ домашнихъ случаяхъ для принесенія молитвъ. По представленію же Чувашъ послѣдняго времени, Пигамбаръ--покровитель домашняго скота, охраняющій его отъ хищныхъ звѣрей, надъ которыми онъ имѣетъ власть, такъ что волки называются Пигамбаровыми собаками. При жертвенныхъ моленьяхъ въ кереметп ему приносятъ юсман, (тонкая на крови замѣшанная яшная лепешка) и шербетъ, (арабскій напитокъ), причемъ говорится: „Помилуй Пигамбаръ! тебѣ приношу юсман и шербет: не дѣлай зла, удерживай своихъ собакъ, не давай имъ воли. Помилуй." Здѣсь необходимо, продолжаетъ Н. И. Золотницкій, сдѣлать одно сопоставленіе. У Сбоева между прочимъ замѣчено, что Пигамбаръ у Чувашъ „превратился во что-то похожее на Георгія Побѣдоносца. Св. Великомученикъ Георгій Побѣдоносецъ въ старой Руси извѣстенъ былъ подъ именемъ Ягорія, Егорія Храбраго, Юрія, Юрка и т. п. По народному представленію, Св. Георгій охраняетъ скотину отъ хищныхъ звѣрей, особенно отъ волковъ, которыхъ простолюдины называютъ Юровыми собаками". Въ статьѣ этой стр. 201 и слѣд. Г. Золотницкій ссылается на Спир. Михайлова, „Крат. Этногр. Описаніе Чувашъ" стр. 10, и его же „Чуваш. разговоры" стр. 6, и на „Замѣтки о Чувашахъ" Сбоева, стр. 104 и 58, и на „Бытъ Русскаго Народа" Терещенки, VI. Св. Георгій называется Пигамбаръ и у мусульманъ. Мечеть, посвященная въ Мосулѣ Св. Георгію, называется Джирджисъ Пейгамберъ (Чириковъ. стр. L).

Кажущаяся несообразность въ передачѣ русскаго повѣрья о Юровыхъ собакахъ происходитъ несомнѣнно отъ неточности выраженія. Св. Егорій не охраняетъ стада, а согласно повѣрью распоряжается волками. Георгій по-гречески, слово въ слово, земледѣлецъ. Земледѣлецъ оканчи-

ваетъ свои полевыя работы въ позднюю осень съ появленіемъ волковъ, пируетъ, поетъ и отправляется на охоту; лучшимъ помощникомъ ему является волкъ, слѣды коего непремѣнно наводятъ охотника на отыскиваемую дичь, на стада, а хищниковъ на населенныя мѣста.

Г. Золотницкій приводитъ, по словамъ Будагова (I, 228), легенду о магометанскихъ миссіонерахъ, шедшихъ изъ Бухары и наведенныхъ волкомъ (курт) на Башкировъ, прозванныхъ будто бы по этому обстоятельству Башкуртъ. Легенда сама по себѣ, можетъ быть, и имѣетъ историческое основаніе, такъ какъ странствующіе миссіонеры по безлюднымъ мѣстамъ должны были непремѣнно наткнуться на жилыя мѣста, слѣдя за волкомъ. Самое же имя башкуртъ обозначаетъ голову волковъ и потому ближе всего можетъ быть принято въ значеніи передоваго войска.

Перехожу къ замѣчательному и богатому фактами труду Шлегеля. Сравненіе европейской небесной сферы съ китайскою проливаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе миѳа о волкѣ по отношенію его къ скотоводству и къ прорицанію (стр. 706).—Въ слѣдъ за восходомъ Кентавра, изображаемаго получеловѣкомъ и полубыкомъ или полуконемъ, является небесная Лира. Въ созвѣздіи Кентавра, тоже что нашъ Китоврасъ, одна изъ звѣздъ называется: волкъ, Thérion fera, bestia centauri, пантера, leopardus, canis ululans и другіе хищные звѣри.—Волкъ на нѣкоторыхъ сферахъ называется equus masculus.—На китайской сферѣ Кентавру соотвѣтствуетъ Ту-ссе-кунгъ, надзиратель за полевыми работами, рядомъ съ нимъ ставится конь или быкъ, въ качествѣ сотрудника, что Греки обозначали передовой частью коня или получеловѣкомъ и полуконемъ. Волкъ, по-китайски lang, обозначаетъ конецъ полевыхъ работъ, точно также и у Болгаръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по свидѣтельству Каница (Donau Bulgarien. Leipzig 1875. I. B, стр. 65), начинаются въ южномъ Балканѣ „волчьи праздники.“

Созвѣздіе Волка обозначало у Китайцевъ открытіе осенней охоты, такъ какъ волкъ служитъ лучшимъ путеводителемъ для охотника и разбойника, находящихъ по его слѣду звѣрей, стада и населенныя мѣста. „Охотники радуются, говорится въ Рс-уа, встрѣтивъ волка или шакала, потому что его слѣдъ наводитъ на мѣста, гдѣ находится дичь.“ Шлегель на той же 432 страницѣ говоритъ, что названіе волкъ, lang, дается знаменитымъ, свирѣпымъ начальникамъ и созвѣздіе это покровительствуетъ разбойникамъ и ворамъ. Этотъ обычай существовалъ и у Дунайскихъ Славянъ, какъ явствуетъ изъ частаго прозвища волкъ, носимаго историческими лицами. Прозвище это довольно часто встрѣчается въ Лѣтописцѣ господъ сербскихъ [Изборъ Югославянскихъ Достопамятностей, Pamatky и т. д. v Praze. 1873.].

T'-ou-sse-koung, Ту-ссе-кунг на Европейскихъ сферахъ, Кентавръ, изображается часто съ вазой въ рукахъ. T'-ou—sse—koung кромѣ земледѣлія завѣдывалъ повозками, издѣліями изъ дерева и складами вазъ.—Подъ задними ногами Кентавра находится созвѣздіе K'i—fou, магазинъ вазъ; древній знакъ K'i по словарю Chouo-wen объясняется четырьмя вазами, посреди коихъ лежитъ собака.

Это созвѣздіе K'i—fou на китайской сферѣ обозначалось 32 звѣздами, расположенными четырьмя почти паралельными тупыми углами, входящими одинъ въ другой и по объясненію, находящемуся въ Sing—King, это созвѣздіе обозначаетъ складъ музыкальныхъ инструментовъ, по другимъ коментаріямъ этотъ знакъ изображаетъ вообще всякаго рода магазины, гдѣ работники оканчиваютъ свои работы. Мысль остается таже,—окончаніе работъ соотвѣтствуетъ появленію музыкальныхъ инструментовъ, т. е. обозначаетъ наступленіе праздниковъ.

На завѣдующаго полевыми работами было возложено завѣдываніе постройками, снаряженіемъ повозокъ и пир-

шествами, что впослѣдствіи было возложено на Sse—Koung, завѣдующій праздиествами.

Болгарская пѣснь о Егоріи осеннемъ (Безсоновъ. Калѣки перехожіе. Москва. 1864. ч. II, в. 6, стр. 42. Изъ Блъгарски книжицы. Царьградъ. 1862. Апрѣль) прямо указываетъ на обрядные пиры по окончаніи осеннихъ работъ, согласно съ указаніемъ на эти празднества въ китайской сферѣ:

Святи Іорги у трапези,
У трапези шестореди,
У трапези вси святии,
Дойдоха му вси святии.
Трапези тѣ шестореди,
Шестореди, осмокрап.

Со всѣхъ сторонъ интересъ европейской, всемірной науки сосредоточивается на земляхъ Славянскихъ: по всѣмъ отраслямъ филологіи, исторіи и археологіи появляются изслѣдованія, способствующія къ разъясненію нашихъ древностей, но находятъ пока у насъ еще мало сочувствія и еще менѣе содѣйствія.

Чувашское ученіе о Пигамбаровыхъ собакахъ вполнѣ поясняетъ довольно загадочное отношеніе волка къ бретонскому вѣщему пѣвцу и чародѣю Мерлину. Китайское ученіе объясняетъ отношеніе волка къ Ивану Царевичу и къ Оросу въ Египетской сказкѣ, въ коихъ волкъ является путеводителемъ и пособникомъ. Сопоставленіе знаковъ, обозначающихъ созвѣздія Кентавра, волка и музыкальныхъ инструментовъ, при чемъ можно припомнить, что и Лира находится въ сосѣдствѣ съ Кентавромъ на Греческой сферѣ, достаточно объясняетъ отношеніе волка къ пѣснопѣнію, предвѣщанію и охотѣ; кромѣ того Кентавръ изображается на европейскихъ сферахъ обучающимъ Ахиллеса игрѣ на лирѣ.

Когда Теенъ - Кау, небесная собака, измѣняетъ свое положеніе, то волки и шакалы распространяются по доро-

гамъ, а потому и въ лѣтнее время назначались охоты, чтобы звѣри и въ особенности волки не мяли колосьевъ.

Тіенъ Лангъ, небесный волкъ или шакалъ, обозначаетъ эпоху, когда волчицы бросаются весной на населенныя мѣста, чтобъ похищать домашнихъ птицъ для кормленія волчатъ.

Это созвѣздіе находится въ сосѣдствѣ съ Hou-chi, лукъ и стрѣлы, состоящіе изъ девяти звѣздъ расположенныхъ въ видѣ натянутаго лука съ стрѣлой по срединѣ.

L'exégèse des souverains célestes dit positivement: l'arc est l'arc céleste; la fleche y est poseé continuellement et semble vouloir percer le chakal.

Приближеніе весенняго солнца къ землѣ обозначаетъ на греческой и египетской сферахъ Горосъ, на китайской Великій Воевода; это объясняетъ, почему волки называются у насъ юровыми собаками, т. е. собаками Небеснаго Витязя. Небесному Витязю соотвѣтствуетъ на землѣ завѣдующій земледѣліемъ. Въ повѣріи русскомъ воспоминанія о весеннемъ Небесномъ Витязѣ и осеннемъ праздновавіи окончанія земледѣльческихъ работъ примѣнены ко днямъ празднованія Св. Георгія въ апрѣлѣ и ноябрѣ.

Народныя примѣты древнѣе астрономическихъ наблюденій; земледѣльцы и кочевые пастухи прежде всего были звѣроловами и потому они смотрѣли на волка, какъ на путеводителя и благодѣтеля и приносили ему въ жертву часть своей добычи или скота, чтобы отвлечь его отъ нападеній на собственныя стада. Подобныя жертвоприношенія въ чащѣ лѣсовъ дѣлаются постоянно кочующими племенами для удовлетворенія духовъ, т. е. преимущественно для отвода волковъ, стремящихся туда, гдѣ они чуютъ кровь. Шлегель слишкомъ неуклонно и, можетъ быть, односторонне преслѣдуетъ свою цѣль—доказать заимствованіе отъ Китайцевъ Египтянами и Греками изображеніе небесной сферы. Вѣрно то, что у Китайцевъ астрономическіе знаки имѣютъ разумный смыслъ. Въ слѣдствіе наблюденій

надъ появленіемъ звѣздъ знаки изображались согласно существовавшимъ народнымъ примѣтамъ. Весьма понятно, что развитіе земледѣлія требовало болѣе точнаго опредѣленія, чѣмъ примѣты поселянъ. Не можетъ входить въ кругъ настоящаго изслѣдованія полное обсужденіе системы Шлегеля, но для нашей цѣли достаточно уже то, что сопоставленіе его, примѣненное къ одиночному русскому повѣрью, способствуетъ къ разъясненію онаго. Эта повѣрка, впрочемъ, уже есть надежное ручательство въ правильности его взгляда.

Болѣе близкое у насъ ознакомленіе съ этой замѣчательной книгой не будетъ потеряннымъ временемъ даже и для тѣхъ, которые занимаются исключительно изслѣдованіемъ русскихъ древностей. Китайскіе знаки соотвѣтствуютъ нашему климату, перенесенные же на сферы египетскую и греческую, они не имѣютъ смысла, что весьма понятно при перенесеніи готовой системы съ одной почвы на другую.

Въ Болгарской пѣснѣ, изд. Безсоновымъ (Калѣки Перехожіе ч. I. в. 2, стр. 503, № 116 изъ Сборника Ѳ. И. Шишкова, и въ изданномъ въ Парижѣ въ 1875 году Сборникѣ Българскихъ пѣсенъ, Chansons populaires Bulgares publiées et traduites par Auguste Dozon.) весьма ясно выражено, какъ въ эпоху Христіанскую примѣняли къ Св. Георгію повѣрья о покровительствѣ земледѣлію, скотоводству и винодѣлію. Св. Георгій подымается рано осматривать межи и участки „зеленъ синоръ башъ-пшеница (σύνορον, межа, участокъ, башъ, пшеница, голова пшеница, т. е. первый сортъ, башъ, по-турецки голова), онъ встрѣчается съ сурой ламіей о трехъ головахъ и отсѣкаетъ всѣ три головы, изъ головъ полились три рѣки: первая для пахаря башъ пшеница, вторая для настуха—прѣсно молоко, а третья для копача (виноградаря)—„руйно вино.“—

Въ одномъ народномъ сказаніи, передаваемомъ Аѳанасьевымъ (Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. Москва, 1866 т. I, стр. 710) Егорій храбрый разсыла-

етъ волковъ въ разныя стороны и всякому наказываетъ, какъ и чѣмъ ему питаться. Аѳанасьевъ приводитъ также на стр. 709 подходящую пословицу: „что у волка на зубахъ, то Егорій далъ.“ — Русская поговорка называетъ Юрья 23 апрѣля голоднымъ, а 26 ноября холоднымъ. Здѣсь невольно припоминается свидѣтельство Константина Багрянороднаго о выходѣ Русскихъ князей съ дружиной изъ Кіева, въ округа, на зимнія квартиры, и сборъ податей съ ноября по апрѣль мѣсяцъ. Это таже самая система, бывшая и у Аваровъ, находится въ связи съ указаніемъ Китайской сферы и нашихъ народныхъ обрядовъ, пѣсенъ и пословицъ. — Мнѣ не извѣстно, сдѣлано ли было сравненіе нашихъ пѣсенъ и обрядовъ съ древнимъ, Китайскимъ офиціальнымъ сборникомъ народныхъ пѣсенъ. Доставленіе народныхъ пѣсенъ изъ всѣхъ областей было обязательно для ознакомленія китайскаго правительства съ настроеніемъ, желаніями и нуждами подвластныхъ народовъ. Этотъ Сборникъ есть одна изъ пяти основныхъ священныхъ книгъ Китайцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Кингъ.

Изслѣдованія относительно вліянія Средне-Азіатскаго календаря на календарь Египтянъ, Грековъ и Арабовъ находятся въ прямой связи съ изслѣдованіями Раулинсона, Опперта и Ленормана, относительно принадлежности къ Туранскимъ языкамъ языка древне-Халдейскихъ клинообразныхъ надписей. Запасъ словъ, подтверждающихъ сродство языка Аккадскаго съ Финно-Турецкими и Финскихъ нарѣчій съ Тюрко-Татарскими, пока еще весьма незначителенъ. Настойчивость такихъ изслѣдователей, какъ Раулинсонъ, Оппертъ и Ленорманъ ручается впрочемъ за научное основаніе преслѣдуемой гипотезы. Сближеніе изслѣдованія Шлегеля съ изученіемъ Аккадскихъ памятниковъ даетъ поводъ предполагать, что энергическое изслѣдованіе Халдейскихъ надписей поведетъ къ положительнымъ и важнымъ результатамъ. Въ прошломъ 1874 году Lenormant издалъ въ Парижѣ книгу: La Magie chez les Chal-

déens et les origines Accadiennes.—Здѣсь онъ особенно обратилъ вниманіе на сближеніе нѣсколькихъ древне-Халдейскихъ памятниковъ съ Калевалой и финскими заговорами.

Что касается вліянія Китайскаго календаря на календарь Египетскій и перехода его въ Египетъ и Европу чрезъ посредство Скиѳовъ, то здѣсь нелишне указать на связь между офиціальнымъ Китайскимъ календаремъ и нашимъ народнымъ; связь эта разъясняетъ отчасти споръ объ относительной древности культуры скиѳской и египетской. Роль Китовраса Оаннеса, просвѣтителя Халдѣевъ, совпадаетъ съ распоряженіемъ императора Китайскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что весьма много способствуютъ уясненію перехода китайскихъ астрономическихъ наблюденій въ Египетъ споры скиѳскихъ и египетскихъ мудрецовъ о древности обоихъ народовъ, упоминаемые Юстиномъ (кн. I. г. 1.). Египтяне основывали свои претензіи на постоянномъ равенствѣ климата и плодотворности почвы, тогда какъ страна Скиѳовъ не могла даже доставлять средствъ для жизни поселенца, пока не изобрѣтены были средства ограждать себя отъ холода и жары и обработывать землю. Люди ранѣе могли появиться тамъ, гдѣ они безъ труда находили средства къ жизни. На это Скиѳы возражали, что природа озаботилась приспособленіемъ органическихъ существъ къ разнымъ климатамъ и почвамъ, и что они, Скиѳы, тѣмъ сильнѣе духомъ и тѣломъ, чѣмъ суровѣе ихъ климатъ. Земля выдѣлилась изъ общей массы, состоявшей изъ огненной или водяной стихіи, въ обоихъ случаяхъ, утверждали Скиѳы, что земля ихъ представила ранѣе возможность заселенія, именно вслѣдствіе вліянія чрезмѣрнаго холода, при коемъ земля остывала быстрѣе, тогда какъ страны южныя продолжаютъ подвергаться невыносимому зною. Если же земля выступила изъ-подъ воды, то части ранѣе высохшія могли ранѣе быть обитаемы. Возвышенность странъ, обитаемыхъ Скиѳами, опредѣляется теченіемъ самыхъ рѣкъ, кото-

рыя всѣ текутъ въ Азовское, Черное и Египетское (Средиземное) море. При этомъ Скиѳы указывали на огромныя и продолжительныя работы въ теченіе многихъ царствованій для отвода Нила. Земли, искуственно поднятыя царями Египетскими и образовашіяся изъ постоянныхъ наносовъ Нила, по заключенію Скиѳовъ, очевидно слѣдуетъ считать позднѣйшими. Египтяне были поражены этими доводами, по словамъ Юстина, и Скиѳы признаны за древнѣйшій народъ. Это показаніе Юстина вдобавокъ весьма важно для опредѣленія, какіе народы преимущественно признаваемы были за Скиѳовъ, рѣчь здѣсь очевидно идетъ о племенахъ Тюркотатарскихъ.

Діодоръ Сицилійскій (кн. I. 3. г. 2) говоритъ, что по преданію, сохранившемуся у Эѳіопянъ, Египетъ заселенъ колоніей эѳіопской, подъ предводительствомъ Озириса; самъ же Египетъ не принадлежалъ материку, но находился подъ моремъ и страна образовалась посредствомъ накоплявшейся, около устьевъ, земли, наносимой Ниломъ изъ долинъ еѳіопскихъ.

Геродотъ разсказываетъ, что онъ слышалъ отъ мемфисскихъ жрецовъ, что во время Менеса вся страна на Сѣверъ отъ Ѳивъ была большимъ болотомъ. Шлегель замѣчаетъ, что, по изслѣдованіямъ Леба и Вилькенсона, съ двухъ совершенно разныхъ точекъ зрѣнія, подтвержденныхъ и геологическими изслѣдованіями наслоеній, лежащихъ поверхъ слоя морскаго песка, оказывается, что тому около 7 или 8000 лѣтъ, весь нижній Египетъ дѣйствительно былъ подъ моремъ.— Египетскіе жрецы были сговорчивые люди и преклонялисъ предъ діалектикой Скиѳской, точно также какъ они убѣдились въ большей древности Фригіянъ на основаніи опыта, сдѣланнаго надъ проголодавшимися мальчиками, никогда не слыхавшами ни одного слова и просившими хлѣба по Фригійски: бекосъ (пекарь и Bäcker).—

Въ монгольской сказкѣ Арджи-Борджѣ, переведенной Ламою Галсанъ-Гомбоевымъ Шалу постоянный спутникъ и

пособникъ Викрамадиты, рожденный отъ дѣвицы и воспитанный среди волковъ, понимавшій ихъ языкъ, поясняетъ значеніе русскаго и чувашскаго повѣрья о Пигамбаровыхъ и Юровыхъ собакахъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ разсказу Синезія о волкѣ помогавшемъ Хоросу противъ Тифона, завладѣвшаго престоломъ отца его Озириса. Свидѣтельство Діодора Сицилійскаго не дозволяетъ сомнѣваться въ древности эпизода о волкѣ, упоминаемаго въ Египетской баснѣ конца IV столѣтія нашего лѣтосчисленія. Обстоятельное и блистательное изслѣдованіе А. Веселовскаго: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ“ (С.-Петербургѣ 1872), весьма наглядно опредѣляетъ близкое сродство Бретонскихъ сказаній о Мерлинѣ, Еврейскаго сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, Египетской басни объ Оросѣ и Монгольскомъ и Индѣйскомъ сказаніи о Викрамадитѣ. Трудно предполагать, чтобы и наши сказки объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ не принадлежали тому же ученію.—Весьма сожалѣю, что я не ознакомился ранѣе съ замѣчательнымъ трудомъ А. Н. Веселовскаго и смотрѣлъ на блистательно имъ рѣшенный вопросъ какъ на загадочный и подлежащій изслѣдованію.

Переходъ басенъ, относящихся до одного мудреца на другаго, не смотря на разстояніе времени, совершенно въ духѣ ученія гностиковъ. Теорія о вѣчномъ Боянѣ весьма ясно опредѣлена словами, приписываемыми Св. Клименту, папѣ римскому. „Истинный пророкъ отъ начала вѣка мѣняетъ имена вмѣстѣ съ внѣшнимъ видомъ, протекаетъ настоящій вѣкъ до тѣхъ поръ, пока достигнувъ опредѣленныхъ временъ, и бывъ помазанъ за труды елеемъ божественнымъ, получитъ вѣчное успокоеніе.“ (XVII. 18. Православный Собесѣдникъ т. 2. 1860. Май.) Это тоже ученіе что и проводимое въ Буддизмѣ, выраженное весьма опредѣлительно въ Ойратскихъ книгахъ о Тюрунъ-Музыкаѣ, упоминаемыхъ въ отчетѣ Алтайской духовной миссіи (С.-Петербургъ, 1865. стр. 32. и сл.). Точно такое же без-

предѣльное, во времени и пространствѣ, значеніе имѣетъ Боянъ въ Русской пѣснѣ. Боянъ издревле соотвѣтствовалъ титулу Коганъ, учитель. Помнится Аварскій вождь VI стол., котораго одни называли Каганомъ, а другіе Баяномъ.

Школы пѣвцовъ, передававшія завѣтныя пѣсни и сказанія, повторяли съ древнѣйшихъ временъ почти безъ измѣненія, по лицу всей земли, одно и тоже ученіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ греческомъ миѳѣ Мидасъ, научающійся мудрости отъ захваченнаго опьянѣвшаго Силена, есть тотъ же миѳъ, что и бесѣды Соломона съ Китоврасомъ.— Китоврасъ есть тотъ же Оаннесъ Бероза, выходившій изъ моря для наученія людей художествамъ, письменности. земледѣлію и сооруженію храмовъ. Весьма замѣчательно, что въ славянскомъ названіи Китовраса сохранилась характеристическая черта древняго Оаннеса: „Hominem fuisse, pisce retulisse, quod cetacea pelle indueretur (Arnobius. adversus gentes, или по новѣйшимъ изданіямъ nationes; слова эти цитируетъ патріархъ Фотій Код. 279). Замѣтка эта находится въ M. Greg. Michaelis Notae in Jacobi Gafarelli curiositates. Hamburg. 1676. стр. 49. Въ первомъ изданія Арновія я этихъ словъ не встрѣчалъ.

Одинъ изъ древнѣйшихъ Литовскихъ родовъ имѣлъ въ гербѣ Китовраса. A jako z Eneassem z Trojej do Włoch, tak tez z Palemonem albo P. Libonem do Litwy między oną 500 slachty rzymskiej, cztezy przedniejsze familie wyszły, na cosię wszistki Latopisce zgadzają. Naprzód: Julianus Dorsprungus z herbu Centaurus albo Kytaurus; Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Warszawa. 1846. I. 77. На стр. 220 описанъ гербъ Китоврасовъ, соотвѣтствующій вполнѣ нашему Полкану въ лубочныхъ картинкахъ:

Ziwibund Dorsprungowic, Rzymskiej familiej,
Mieszkał na Dziewałtowie i w Wilkomiziej,

Herb Kitaurus z przodkow miał pol konia, pul męża,
A w ogonnego z łuku strzałą mierzy Węża.

Китоврасъ, считавшійся въ Литвѣ корнемъ древнѣйшаго Римскаго рода, тоже что нашъ сказочный Полканъ, Кентавръ Хиронъ, учитель Болгара Ахиллеса, въ нашихъ сказкахъ, одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ представителей силы, враждующій противъ Русскаго племени.

Этотъ Полканъ Кентавръ Китоврасъ есть тотъ же миѳическій Оаннесъ, являвшійся три раза изъ моря для просвѣщенія народовъ и весьма похожій на просвѣтителей народовъ, посланныхъ послѣ потопа императоромъ Китайскимъ во всѣ четыре конца свѣта. Нѣтъ сомнѣнія, что Полканъ и Китоврасъ суть олицетвореніе двухъ образовательныхъ вторженій: коннаго и морскаго. Въ Литву образовательный элементъ проникъ, какъ будто въ слѣдствіе преслѣдованія языческихъ жрецовъ въ Италіи и перенесшихъ свое ученіе въ Литву. Въ Литвѣ слишкомъ много римскихъ преданій и слишкомъ много слѣдовъ, указывающихъ на древнія сношенія Литовскихъ и Романскихъ племенъ, чтобы возможно было ихъ предполагать лишенными всякаго основанія. Императоръ Яо, царствовавшій за 2357 лѣтъ до Р. Х., по свидѣтельству Ху-кингъ, книги признаваемой за достовѣрную, посылалъ во всѣ концы имперіи представителей власти для обученія людей и принятія мѣръ для расчистки лѣсовъ и осушенія равнинъ, заключенныхъ между четырмя горами и остававшимися непроизводительными послѣ потопа. Отожествленіе Оаннеса и Китовраса, Китовраса и Кентавра, и наконецъ Китовраса и Мерлинова волка весьма знаменательно. Китоврасъ Оаннесъ обозначаетъ, что просвѣщеніе въ Халдею проникло съ моря. Брама по написаніи Ведъ поручилъ храненіе ихъ Деветамъ. Книга, похищенная демонами, была скрыта на днѣ морскомъ и весь міръ былъ во тьмѣ. Вишну, обратившись въ огромную рыбу, спускается за Ведами на дно морское.

Эта индѣйская легенда достаточно объясняетъ рыбій хвостъ Оаннеса и имя Китовраса.

Всѣ эти басни принадлежатъ сказаніямъ о каменьщикахъ,—во всѣхъ дѣло идетъ о постройкѣ храма Мудрости. По разсказу о безъимянномъ мальчикѣ въ Бретонской исторіи Неннія и расказу Готфрида Монмутскаго о Мерлинѣ, мальчикъ приводится къ царю Вортигерну для созданія на его тѣлѣ неприступной крѣпости. Въ древнѣйшемъ разсказѣ мальчикъ указываетъ на створчатый сосудъ, находящійся въ озерѣ, въ коемъ шатеръ, а въ шатрѣ два дракона—красный и бѣлый. По разсказу Готфрида Монмутскаго Мерлинъ указываетъ на камень. Древнѣйшій расказъ весьма близко подходитъ къ монгольскому въ Арджи-Боржѣ. Золотой тронъ съ 32 ступенями и 32 женскими деревянными фигурами открывается въ землѣ, по соображенію, что подъ холмомъ, гдѣ произноситъ свои мудрыя изреченія царь-мальчикъ, должна скрываться таинственная сила. Эти басни находятся въ весьма близкой связи съ ученіемъ Тампліеровъ, на сколько можно судить по сохранившимся показаніямъ. Во всѣхъ этихъ басняхъ несомнѣнно проводится мысль, что вѣщая мудрость истекаетъ изъ двухъ началъ—отъ непорочной дѣвы и демона.—Это самое демоническое происхожденіе и объясняетъ отчасти связь этихъ вѣщихъ мудрецовъ съ волкомъ и дѣвами-лебедями. Волки и дѣвы-лебеди изображаютъ два главныя настроенія человѣческаго и творческаго духа: волки—стремленіе къ уединенію въ горы, степь или лѣса, въ слѣдствіе разлада съ общественнымъ строемъ, лебеди, наоборотъ—прославленіе житейскихъ благъ, прелестей міра, торжества искусствъ и наукъ, съ замѣтнымъ стремленіемъ вернуться къ свѣтлымъ источникамъ.

При чтеніи средневѣковыхъ поэтическихъ памятниковъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что они къ намъ дошли въ передѣлкахъ и подъ вліяніемъ разныхъ настроеній,—въ нихъ часто встрѣчается направленіе разсказчика

совершенно враждебное къ излагаемому содержанію и къ первоначальной мысли, такъ какъ сказки эти носятъ явные слѣды сродства съ гностицизмомъ и съ ученіями языческими. Св. Ириней прямо говоритъ, что гностики пользовались старушечьими сказками, но ихъ не сочиняли. Первоначальная мысль о рожденіи Мерлина или Марза сохранилась въ колыбельной Бретонской пѣснѣ, приводимой въ французскомъ переводѣ на стр 485 и сл. моихъ Замѣчаній на Сл. о П. Иг. Пѣвецъ Игоревъ, намѣкая на существующія повѣрія и суевѣрія, касается ихъ свысока и имѣетъ въ виду только одни возвышеннѣйшія стороны древняго языческаго ученія. Поэмы Бретонскія, Скандинавскія и Монгольскія выводятъ мудрецовъ, занимающихся чернокнижіемъ и морочащихъ людей съ помощію значительнаго запаса секретовъ механическихъ, химическихъ и физическихъ. Въ этихъ басняхъ описываются съ любовію продѣлки, шутки, а не самое ученіе мудрецовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, съ другой стороны, что эти старушечьи сказки могли въ теченіи времени подвергаться передѣлкамъ гностиковъ. Сами разсказчики, а равно и художники и ремесленники, въ особенности золотыхъ дѣлъ мастера въ средніе вѣка, явно подчинены вліянію ученія гностиковъ; фокусники, плясуны, люди водящіе медвѣдей—всѣ причастны къ магизму и сохраняютъ преданія, завѣщанныя язычествомъ,—и таковыми обозначены церковнымъ законодательствомъ. Вся лѣстница отъ теозофовъ до скомороховъ сохранилась доселѣ въ орденѣ Дервишей, скитающихся по Средней и Малой Азіи. Эти типичныя фигуры, превосходно изображенныя Верещагинымъ, объясняютъ, почему прозвище бирючей могло быть дано глашатаямъ и въ древней Россіи.

Бродячая жизнь дервишей и факировъ, ихъ нравственное вліяніе на Азіатскія племена, и Черкескіе пѣвцы (о которыхъ ниже) сохраняютъ въ себѣ черты, которыя были общи и славянскимъ и вообще европейскимъ пѣвцамъ,

собиравшимъ разрозненныя племена подъ одно знамя. Дервиши и пѣвцы Черкескіе характеризуютъ ту волчью натуру и ту волчью среду, которыя и въ наше время существуютъ отъ Кавказа вдоль Ефрата до Персидскаго залива и способствуютъ къ объясненію цѣлаго разряда европейскихъ волчьихъ пѣсенъ и волчьихъ миѳовъ въ противоположность къ пѣснямъ лебединымъ.

Въ недавно вышедшей весьма замѣчательной и любопытной книгѣ „Путевой Журналъ“ Е. И. Чирикова, на стр. 167 описываются процессіи двухъ враждующихъ партій въ Испаганѣ, выходившихъ одна противъ другой, согласно повсемѣстному въ Персіи обычаю наканунѣ Кубанъ-Байрама.

......„Такимъ образомъ я въ первый разъ тутъ видѣлъ и самую процессію байрама, и пальбу изъ орудій на скалу. Шуты и балясники и полунагіе атлеты съ гимнастическими тяжелыми балансами, въ формѣ огромныхъ сахарныхъ головъ въ каждой рукѣ, вертѣвшіе ихъ надъ головами своими и около корпуса, дервиши, сантоны, съ металлическими громадными знаменами, на верхнемъ концѣ которыхъ, посреди причудливыхъ арабесковъ, вырѣзаны à jour и чрезвычайно искусно и красиво крупными буквами стихи изъ Корана. У нѣкоторыхъ изъ нихъ на верху, съ каждой стороны, по металлической вѣтви, на которыя взбирались ребята, и алемдаръ (знаменоносецъ), поднимая эту чрезвычайно тяжелую ношу, показывалъ силу мышцъ своихъ; нѣкоторыя изъ знаменъ обвѣшаны были приношеніями или вѣрнѣе заклинаніями отъ болѣзней и бѣдъ мірскихъ въ видѣ дрянныхъ старыхъ тряпичекъ, лоскутковъ одежды. За ними всадники.“..... „Впрочемъ, остановки процессіи повторялись нѣсколько разъ, и въ это время какой нибудь растрепанный дервишъ или присяжный піита декламировалъ стихи или въ честь шаха, или въ честь сипехдара“ ....

. . . „Во время шествія, посреди котораго не были забы-

ты вожаки обезьянъ и всякаго рода дикихъ звѣрей, медвѣдей, тигровъ и даже львовъ, каждый изъ нихъ заставлялъ своихъ четвероногихъ воспитанниковъ показывать разныя штуки; плясуны въ женскихъ юбкахъ, съ распущенными волосами, съ кастаньетками, кружились, вертѣлись, ломались подъ визжанье и стукъ инструментовъ; паясы кривлялись, атлеты бросали высоко свои деревянные пудовики и ловили ихъ, другіе боролись и обращали борьбу въ драку, которую останавливалъ феррашбаши, разлучая борцовъ своимъ жезломъ; полунагіе дервиши наносили себѣ кинжалами раны, и кровь струилась по ихъ обнаженной груди во славу пророка и Али; псилы вынимали изъ мѣшковъ своихъ змѣй, обвивавшихся около протянутыхъ рукъ ихъ длинными лентами.“

На стр. 370 (поѣздка изъ Зохаба) находится другой весьма любопытный разсказъ о продѣлкахъ дервишей: „Прямо передъ нами разстилалась прибрежная равнина Мейданъ; на ней мы остановились лагеремъ, не доходя до деревни этого имени, при впаденіи рѣки Геуасинъ въ Сирванъ. Равнина населена дервишами ордена Моулеви; главный шейхъ ихъ живетъ въ Керкукѣ. Ибрагимъ-паша говорилъ намъ, что дервиши эти „несгараемы,“ и въ подкрѣпленіе этого разсказа, что онъ былъ въ отрядѣ Керманшахскаго сердаря, присланномъ сюда для воспрепятствованія Азизъ-бею уйги въ Персію отъ преслѣдованія турецкихъ войскъ, и что при этомъ онъ былъ свидѣтелемъ, какъ дервиши эти, сложивъ костеръ, вошли въ него съ женами и дѣтьми; пламя пылало высоко надъ ихъ головами, а они остались цѣлы и не выходили изъ костра, пока онъ весь не истлѣлъ. Сердарь былъ такъ пораженъ этимъ, что донесъ въ Тегеранъ; шахъ, желая ихъ видѣть, приглашалъ ихъ въ столицу и приказалъ дать имъ денегъ на дорогу. Дервиши послали къ шейху просить позволенія отправиться. Шейхъ не далъ разрѣшенія и даже запретилъ имъ на будущее время дѣлать опыты съ огнемъ

въ присутствіи постороннихъ; оттого и мы не могли этого видѣть. Секта эта, сказывали намъ, живетъ разсѣянно по селамъ, даже въ Зохабѣ, и обработываетъ поля“.....

Замѣтки покойнаго Е. И. Чирикова, дневникъ М. А. Гамазова, издателя книги, выписки изъ дневниковъ Вильямса, Раулинсона, Лейерда представляютъ огромный и крайне любопытный запасъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о мѣстности весьма знаменитой и притомъ, особенно у насъ, весьма мало извѣстной. Здѣсь наглядно изображается день за днемъ; переходы по мѣстности, гдѣ разыгрывались всемірныя событія, созидались и сокрушались древнѣйшія всемірныя монархіи, рубежъ, на коемъ сталкивалась греко-римская и средне-азіатская цивилизаціи и нынѣ представляющая любопытное зрѣлище трехъ главныхъ племенъ: Арабскаго, Иранскаго и Туранскаго, живущихъ бокъ-о-бокъ первобытною жизнію съ яркими слѣдами вліянія на нихъ древней столицы восточнаго міра. Книга эта богата фактами, составляющими важный вкладъ въ науку, и носитъ отпечатокъ высокообразованнаго и внимательнаго ума. Самое изданіе книги сдѣлано съ видимой любовью и большимъ знаніемъ дѣла.

Въ „Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера“, Москва, 1865, стр. 127,—въ нѣсколькихъ словахъ очерчено значеніе пѣвцовъ и пѣсенъ среди воинственныхъ племенъ Кавказа: „У Черкесовъ часто встрѣчаются странствующіе барды, передающіе пѣсни, преданія старины и импровизирующіе стихи на новыя происшествія. Усѣвшись въ кунахской, посреди круга слушателей, они начинаютъ свой рпомованный разсказъ довольно медленно, мѣрно ударяя черенкомъ ножа въ какую нибудь звонкую вещь; потомъ тактъ ускоряется, голосъ усиливается, и тихій речитативъ переходитъ въ громкую пѣснь, увлекающую Черкесовъ до безумнаго восторга. Черкесы чрезвычайно впечатлительны и подобно Бедуинамъ легко воспламеняются пѣснью и разсказомъ. Иногда эти барды носятъ съ собой небольшую

семиструнную арфу. Кромѣ ея я видѣлъ у Черкесовъ еще три музыкальные инструмента,—двухструнную балалайку, двухструнную скрипку да свирѣль. Люди, подобно Асланъ—Гирею и Джансеиду, искавшіе завладѣть народнымъ мнѣніемъ и занять степень военныхъ начальниковъ въ борьбѣ противу Русскихъ, имѣли обыкновеніе, задумавъ какое нибудь важное предпріятіе, посылать по Краю сперва этого рода импровизаторовъ, которые прославляя ихъ умъ и дѣла, увлекали за ними народъ. Пѣвцамъ принадлежало, кажется, исключительное право разсказывать подвиги черкесскихъ героевъ: сами они никогда не говорили о нихъ. Черкесы, храбрые по природѣ, съ дѣтства привыкшіе бороться съ опасностію, въ высшей степени пренебрегаютъ самохвальствомъ. Самые смѣлые джигиты отличаются у нихъ необыкновенною скромностію: говорятъ тихо, никогда не хвалятся своими подвигами, готовы каждому уступить мѣсто и замолчать въ спорѣ; за то въ дѣлѣ они совершенно перерождаются и на дѣйствительное оскорбленіе отвѣчаютъ оружіемъ съ быстротою мысли, безъ угрозы, безъ крику и брани."

Характеристика Черкескихъ витязей живо напоминаетъ характеристику спутниковъ Хаверъ Кинеева въ Маккаме Харизи: Бесѣда о битвѣ: „слыли всѣ спутники въ браняхъ бойцами, храбры какъ львы, словомъ—молодцы молодцами, въ обхожденіи добры и милы словно серны пугливы.“ (Зам. на. Сл. о П. Иг. стр. 249.)

Этотъ очеркъ Черкесскихъ пѣвцовъ поясняетъ, почему въ древней Россіи глашатаи могли называться бирючами. Это названіе вѣроятно перешло отъ древнѣйшаго учрежденія пѣвцовъ и глашатаевъ закона, игравшихъ важную роль среди воинственныхъ племенъ, обитавшихъ около Чернаго моря. Подобные бирючи должны были разсылаться Олегомъ при собираніи имъ всѣхъ толковинъ на Царьградъ. Пѣвецъ Игоревъ съ тою же мыслію пѣлъ свою пѣснь. Онъ задумалъ соединить Русскихъ князей противъ

напора Венгерцевъ на Галицію и Германцевъ на Полоцкое княжество. Весьма можетъ быть также, что онъ уже чуялъ бѣду готовившуюся въ Средней Азіи. Подобные волки предшествовали преемникамъ Чингизъ-хана. Въ Армянской исторіи, оканчивающейся на 1261 году, Киракоса Гандзакеци, писавшаго въ 1241 году, переведенной Паткановымъ, находятся весьма любопытныя свѣдѣнія, опять наводящія на мысль, что подъ именами великаго Хина и Хорса, пѣвецъ Игоревъ намѣкаетъ на Чингизъ-хана: „Имъ (Татарамъ) предшествовала ложная молва, что они маги, исповѣдаютъ христіанскую вѣру и творятъ чудеса, что они пришли отмстить Таджикамъ за угнетеніе христіанъ. Говорили, что у нихъ есть походная церковь, а въ ней чудотворный крестъ; что предъ этимъ крестомъ ставится одна мѣра ячменя, что изъ этой мѣры все войско беретъ ячмень для корма лошадей, и что не смотря на то она не убавляется, и что тоже самое происходитъ съ провіантомъ для продовольствія людей. (стр. 2). Тоже самое разсказывается о священномъ Гралѣ въ бретонскихъ романахъ и вѣроятно не пропущено и въ славянскомъ сказаніи объ Индіи богатой, составляющей предметъ тщательнаго изслѣдованія Н. Баталина въ „Филологич. Запискахъ“ 1874 и 1875 годовъ.

Граль, по переходѣ въ Среднюю Азію, перестаетъ служить нескончаемымъ запасомъ продовольствія за излишествомъ. Съ перенесеніемъ Граля въ Азію назначеніе его состоитъ въ указаніи преемника пресвитера Іоанна Что сказка эта служила пропагандою Чингизъ-хану и его предшественникамъ пресвитерамъ Іоаннамъ, подтверждается тѣмъ, что эта же сказка сказывалась и на мусульманскій ладъ. Свидѣтельство современнаго Армянскаго историка не дозволяетъ сомнѣваться въ этомъ фактѣ.

Г. Паткановъ приводитъ письма царицы Русуданъ и военноначальника ея Ивана къ папѣ Гонорію. Въ этихъ письмахъ говорится, что Татары передъ вторженіемъ слыли

за христіанъ (стр. 111). На стр. 49 Киракосъ Гандзакеци упоминаетъ о покровительствѣ, оказанномъ Сирійцемъ, по происхожденію христіаниномъ, носившемъ титулъ Рабанъ-атъ т. е. отца царя, татарскаго Хагана; Киракосъ Гандзакеци поясняетъ, что по--сирійски Рабанъ значитъ учитель, а ата—отецъ. Довольно любопытно, что настоящій отецъ Чингизъ--хана назывался Дубунь Баянъ. (Абуль-Гази, перев. Саблукова, изд. Березинымъ. Стр. 59, 60.)

Въ Эддѣ вскользь упомянуты интимныя отношенія Одина къ волкамъ, чтобы указать связь ученія объ Одинѣ съ сказаніемъ объ Арджи-Боржіѣ и тому подобными. Не слѣдуетъ также полагать, чтобы въ пѣснѣ о походѣ Игоря волкъ упоминался случайно, какъ простое поэтическое уподобленіе; русскій поэтъ вѣроятно и даже болѣе чѣмъ вѣроятно имѣлъ въ виду тѣже народныя повѣрья. Совѣщаніе Димитрія Боброка Волынца съ волками наканунѣ Мамаева побоища не дозволяетъ сомнѣваться въ существованіи въ Россіи повѣрья о дарѣ предвѣщанія приписываемаго волкамъ. Свойство волковъ перекликаться предъ нападеніемъ, а равно и при отступленіи послѣ похищенія добычи было причиною, почему пѣвцы могли уподобляться волкамъ. Знаніе волчьяго языка существуетъ и доселѣ. Между охотниками есть люди умѣющіе переговариваться съ волками.

Отношенія къ Св. Георгію срока полевыхъ работъ и скотоводства, по повѣрьямъ русскимъ и болгарскимъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ знакамъ китайской небесной сферы. Изъ этихъ сопоставленій довольно опредѣленно оказывается, что дѣло не въ переходѣ преданій и сказаній отъ одного народа къ другому а въ существованіи въ разныя времена у многихъ народовъ отъ Тихаго океана до Атлантическаго тѣхъ же самыхъ повѣрій и обрядовъ. Тоже повѣрье встрѣчается въ видѣ весьма древняго религіознаго преданія у Бретонцевъ, современнаго повѣрья у Чувашъ и въ видѣ

административнаго весьма древняго учрежденія у Китайцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ хронологическія данныя отнюдь не опредѣляютъ, какому племени принадлежитъ происхожденіе повѣрья или преданія. Китайскіе астрономы отмѣчали, тому 4000 лѣтъ, на своихъ небесныхъ картахъ появленіе созвѣздій знаками, соотвѣтствующими народнымъ повѣрьямъ, обрядамъ и обычаямъ. Сохраненіе этихъ преданій у разныхъ народовъ въ полномъ и разумномъ согласіи никакъ не могло произойти вслѣдствіе шаткихъ интерпретацій іероглифическихъ знаковъ. Изъ сопоставленій знаковъ китайскихъ съ египетскими и греческими дѣйствительно оказывается, что при заимствованіи ученымъ путемъ смыслъ знаковъ не сохранялся и не отвѣтствовалъ дѣйствительнымъ потребностямъ народа. Чѣмъ болѣе занимаемся сравнительнымъ изученіемъ народныхъ повѣрій, обрядовъ и сказаній, тѣмъ болѣе приходимъ къ убѣжденію, что международныя состязанія о происхожденіи миѳическихъ цикловъ суть ребяческая забава. На оборотъ, каждый шагъ на этомъ поприщѣ служитъ къ разъясненію и осмысливанію преданій, сохранившихся въ народной памяти. Этотъ результатъ весьма важенъ, хотя и болѣе скроменъ, чѣмъ суетное удовлетвореніе народнаго тщеславія. Современная наука замѣтно освобождается отъ ложнаго взгляда на преемственность языковъ и изустныхъ преданій. Сравнительное изученіе сказочнаго міра уже успѣло указать, какъ восторженное хвастовство въ пользу своего племени каждаго изслѣдователя, занимавшагося спеціально своими народными сказками, оказывается смѣшнымъ при сличеніи. Оказывается, что добродѣтели, исключительно принадлежащія Бретонцамъ, суть тѣже самыя, которыя отличаютъ Германскія племена отъ всѣхъ прочихъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что сказки каждаго народа имѣютъ свой характеръ; такъ наши сказки несомнѣнно отличаются молодечествомъ и беззаботнымъ веселіемъ при тщательномъ соблюденіи ясности и вѣрности основнаго миѳа.

Нѣтъ никакого ни логическаго, ни научнаго основанія предполагать, чтобы народныя преданія, сохранившія явныя архаическія формы, не шли отъ первыхъ временъ человѣческаго общества, безъ всякаго позаимствованія. Заимствованія обнаруживаются сами собой весьма чистосердечнымъ сохраненіемъ чуждыхъ, собственныхъ и географическихъ именъ, но и самое присутствіе инородныхъ названій вовсе еще не доказываетъ, чтобы само преданіе было инородное. Древнія преданія и обряды могли утрачиваться у одного народа и возвращаться къ нему въ чужой одеждѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что преданія сохраняются не у всего народа, а удерживаются на окраинахъ отдаленныхъ отъ общаго движенія народной жизни, находящихся внѣ вліянія развитія новыхъ идей, обычаевъ и интересовъ. Этимъ самымъ объясняется сохраненіе въ Россіи преданій и сказаній въ ихъ первобытной чистотѣ и полнотѣ, поражающей даже иностранныхъ изслѣдователей. Сознаюсь, вопросъ этотъ казался мнѣ крайне тяжелымъ и затруднительнымъ, я обязанъ его разъясненіемъ профессору Петербургскаго университета Е. Е. Замысловскому.

Вся суть въ оригинальности и осмысленности передачи древнихъ сказаній и въ этомъ отношеніи мы положительно играемъ далеко не послѣднюю роль на бѣломъ свѣтѣ. Можно даже утвердительно сказать, что наши пѣсни и сказки составляютъ богатѣйшую и самую художественную часть всей нашей литературы и во многихъ отношеніяхъ могутъ служить образцами и руководствомъ. Изученіе народной литературы представляетъ кромѣ того еще ту огромную выгоду, что для пониманія ея необходимо много учиться, а изученіе способствуетъ самымъ естественнымъ, непринужденныхъ образомъ къ поднятію умственнаго уровня по всѣмъ отраслямъ знанія. Самая же безпредѣльность научнаго горизонта, въ коемъ народная духовная жизнь есть центръ, весьма наглядно ведетъ къ убѣжденію, что

можно избрать лишь весьма ограниченный и опредѣленный кругъ для изученія народныхъ памятниковъ и народнаго быта. Каждая мѣстность, какъ бы она ни была отдалена отъ культурныхъ центровъ, доставитъ навѣрное обильную жатву желающему примѣнить свои научныя свѣдѣнія къ изученію мѣстныхъ говоровъ, обычаевъ, преданій самой мѣстности въ географическомъ и историческомъ отношеніи и тѣмъ самымъ содѣйствовать созданію науки въ обширнѣйшемъ объемѣ. При такой системѣ филологическія науки могутъ соперничать съ естественными и положительными и сами занять въ ряду положительныхъ и точныхъ наукъ почетное и весьма видное мѣсто. Филологія никакъ не можетъ развиваться съ помощію механическаго мышленія и, находясь въ неразрывной связи съ постоянно сосредоточеннымъ вниманіемъ, развиваетъ силу мышленія и его эластичность. Развитіе вниманія и гибкости ума столь же необходимо для работъ кабинетныхъ, какъ на биржѣ, такъ и на полѣ битвы. Только въ дѣлѣ заводскомъ и въ земледѣліи филологія остается на заднемъ планѣ, но и тутъ служитъ твердымъ основаніемъ для спеціальнаго образованія техника.

Loys Brueyre ссылается на любопытныя свѣдѣнія о Дѣвахъ-Лебедяхъ, собранныя Гульдомъ (Gould—curious Myths и на Cox, Mythology of the Aryan nations.) Gould сравниваетъ легенды бретонскія, германскія съ древними греческими и сказками Самоѣдовъ. Онъ видитъ въ этихъ лебедяхъ олицетвореніе облаковъ, блуждающихъ по голубому своду. Эта тема, на которой разыгрывалъ покойный Аѳанасьевъ въ слѣдъ за Гриммомъ, ничего не объясняетъ. За облаками люди даже и въ сказкахъ не гонятся.— Упоминаемыя басни указываютъ на что-то весьма желательное, мимолетное и еще труднѣе сохраняемое, чѣмъ уловляемое,—однимъ словомъ на счастье, власть. Что всѣ призраки уподоблялись облакамъ и мыльнымъ пузырямъ, это несомнѣнно, но изъ этого не разумно заключать, чтобы въ

сказкахъ шла рѣчь о похожденіяхъ облаковъ или мыльныхъ пузырей.

Постоянныя повторенія совершенно безцѣльныхъ наблюденій за теченіемъ и превращеніемъ облаковъ на небѣ сутъ клевета на нашихъ предковъ.—Славяне издревле отличались крайней раціональностію и утилитарностію своихъ воззрѣній.-- Сказки видимо отвѣчаютъ дѣйствительной потребности духа.

Въ первомъ томѣ Поэтическихъ воззрѣній Славянъ на природу, стр. 707, Аѳанасьевъ говоритъ: „23 апрѣля поселяне наши впервые послѣ минувшей зимы, выгоняютъ скотъ въ поле, и выгоняютъ его непремѣнно освященной вербою. При этомъ окликаютъ Егорія, т. е. обращаются къ нему съ такою мольбою:

Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Отъ волка хищнаго.
Отъ медвѣдя лютаго
Отъ звѣря лукаваго.

„Обрядъ этотъ, продолжаетъ Аѳанасьевъ, имѣетъ символическое значеніе; онъ указываетъ на дожденосныхъ коровъ, которыхъ въ весеннюю пору выгоняетъ Перунъ на небесныя луга ударами молніи; въ числѣ различныхъ метафорическихъ представленій молніи, она между прочимъ уподоблялась древесной вѣткѣ" (Ссылка на XVIII главу). По справкѣ въ XVIII главѣ оказывается, что „отъ представленія молніи цвѣткомъ, выростающимъ на деревѣ тучи, естественно было перейти къ уподобленію ея древесной вѣткѣ или пруту тѣмъ болѣе, что въ разящей молніи, предки наши видѣли наказующій бичъ и кій самобой (дубинку) Перуна. При первомъ весеннемъ выгонѣ коровъ въ поле Индѣйцы употребляли вѣтку дерева parna или sami

(Acacia suma Roxb.). Объ этой акаціи было сказаніе, что она выросла изъ сосуда, въ которомъ принесена на землю молніей. Какъ Индра доитъ небесныхъ коровъ (облака) громовою палицею или молніеносным прутомъ, такъ думали, что и земныя стада, ударяемыя вѣткою священнаго дерева, укрѣплялись и дѣлались обильными молокомъ. Въ Швеціи"..... и т. д.

Вмѣсто источниковъ для поясненія набраны у Аѳанасьева германскія умозрѣнія, лишенныя всякой логической связи между собой и съ текстомъ, вызывавшимъ эти комментаріи. Этотъ наборъ словъ служитъ только для помѣщенія Индры, доящаго небесныхъ коровъ, по указанію г. Куна. Народныя повѣрья не заимствуются изъ многосложныхъ догматическихъ сочиненій, явно созданныхъ на досугѣ, среди роскошной, ученой обстановки индѣйскихъ и другихъ мудрецовъ. Облака, дѣйствительно, въ одной Индѣйской поэмѣ, названы дойными коровами, кормилицами въ благодарность за орошеніе пастбищъ. Подобная тяжелая метафора свойственна санскритской поэзіи, но русская, славянская и вообще народная поэзія не терпитъ подобнаго безобразія.

Объясняя повѣрья и обряды Славянъ, какъ наслѣдство древнихъ Арійцевъ, необходимо въ добавокъ предположить, что Славяне заимствовали ихъ не изъ первыхъ рукъ, утративъ при томъ смыслъ этихъ преданій. Этотъ трудный фокусъ возможенъ, но только при ложномъ, гиперкультурномъ образованіи. Славяне, согласно съ весьма многими другими народами, выгоняя скотъ на пастбища обращаются къ Св. Георгію съ мольбою о предохраненіи скота отъ хищныхъ звѣрей. Верба въ древнѣйшихъ временъ служила символомъ живучести, такъ какъ срѣзанныя вѣтки ивы живутъ и цвѣтутъ безъ корней въ водѣ и землѣ. Акація, по свойству своему быстро разростаться, могла имѣть тоже значеніе. Очевидный весьма простой смыслъ обращенія поселянъ къ Св. Георгію, при выгонѣ скота въ поле, со-

вершенно затемненъ комментаріемъ. Больно смотрѣть, какъ вліяніе Гримма, Макса Мюллера и Куна, но болѣе всего Симрока могло такъ сильно дѣйствовать на воображеніе Аѳанасьева. Эти ученые комментировали и объясняли изучаемые имъ памятники, Аѳанасьевъ же механически примѣнялъ ихъ комментаріи къ русскимъ народнымъ сказаніямъ, которыя могли служить источникомъ, но не наоборотъ, для поясненія индѣйскихъ поэмъ, построенныхъ на народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ. Увлеченный моднымъ направленіемъ и пораженный сродствомъ народныхъ повѣрій всего міра, Аѳанасьевъ насиловалъ смыслъ и ученыхъ гипотезъ и нашихъ первобытныхъ памятниковъ. Если бы Аѳанасьевъ, опасаясь критики, принужденъ былъ обращать не много болѣе вниманія на самые источники, то онъ навѣрное пришелъ бы къ болѣе положительнымъ и полезнымъ результатамъ.—Я весьма высоко цѣню заслуги, дарованія и добросовѣстность Аѳанасьева и если себѣ позволяю настаивать на его ошибкахъ, то это отъ того, что я на него смотрю какъ на жертву школы, господствовавшей въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Ломоносовъ, Татищевъ, Тредьяковскій, Щекатовъ, Озерецковскій, Лепехинъ и многіе другіе учились и подвизались подъ сильнымъ вліяніемъ европейской науки, но они оставили по себѣ труды, свидѣтельствующіе о ихъ самостоятельности и самодѣятельности во всѣхъ вопросахъ, относящихся до роднаго края. Въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ можно прослѣдить мысли Гримма и Макса Мюллера, примѣненныя какъ будто механическимъ способомъ, не удостоивая свой сырой матеріалъ не только любви, но даже и вниманія, какъ будто бы все дѣло состояло въ акклиматизаціи у насъ мечтательныхъ, мимоходныхъ, модныхъ теорій и постоянно колеблющихся направленій, прослѣживаемыхъ германскими учеными при ихъ разработкѣ всемірныхъ памятниковъ. Гоньба за этими призраками не могла послужить существенному движенію науки. Нельзя даже назвать подобное стремленіе примѣне-

ніемъ образцовой методы къ изученію родныхъ памятниковъ, потому что германская метода, при всемъ увлеченіи ученыхъ и ихъ склонности къ систематизаціи, основана на изученіи источниковъ; у насъ же система Гримма и Симрока, Макса Мюллера и Куна примѣнялась, на перекоръ нашимъ памятникамъ, и помимо чужеземныхъ.

Въ упомянутомъ Болгарскомъ сборникѣ, изданномъ въ Парижѣ, издатель, ссылаясь на статью въ Revue des deux Mondes 1873, 15 Août. Le Theatre en Japon par M. G. Bousguet, говоритъ (стр. 152), что пѣснь № 4 его сборника:

Пасалъ іе Стоя́н телци́—те
На самоди́вски хорища,

а равно № 1 и 2 Сборника братьевъ Миландиновцевъ (Булгарски народни пѣсни собрани одъ братья Миландидиновци. Загребъ 1861. Большой in 8°, стр. VIII+538) весьма схожи между прочимъ и съ японскими сказаніями.

Это болгарское стихотвореніе таже баснѣ, что и русская сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Василисѣ Премудрой, дочери Морскаго Царя. Лебединая дѣва и лебединыя сорочки являютвя въ германскихъ, славянскихъ и татарскихъ сказкахъ. Болгарская сказка отличается тѣмъ, что она сильно отзывается хожденіемъ учениковъ пресвитера Іоанна по Европѣ. Упоминаемый въ ней св. Іоаннъ, способствующій возвращенію Самодивѣ дѣвственности, по обвѣнчаніи ея съ Стояномъ и крещеніи ея ребенка, не можетъ быть не кто иной, какъ пресвитеръ Іоаннъ романскихъ и татарскихъ сказаній. Весьма можетъ быть, что и самъ Иванъ Царевичъ есть прототипъ Іоанна пресвитера, а Василиса Премудрая не кто иная, какъ Прекрасная Елена тѣхъ же сказокъ. Стоянъ играетъ туже роль что царь Афронъ и царь Далматъ въ нашихъ сказкахъ, король Испанскій въ Бретонской и Менелай въ древнемъ эпосѣ, котораго Сенковскій называетъ весьма основательно Крѣпиміромъ, т. е. тѣмъ же Стояномъ.

Въ шести русскихъ варьянтахъ на сказку о Морскомъ Царѣ и Василисѣ Премудрой (Рус. Нар. Сказки Аѳанасьева кн. II. изд. 2-е, Москва. 1873. стр. 313.) встрѣчается этотъ болгарскій расказъ какъ эпизодъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сказокъ Иванъ Царевичь названъ Гостинымъ сыномъ, что, по моему мнѣнію, архаизмъ. Въ русскихъ сказкахъ, послѣ многихъ приключеній и испытаній Василиса Премудрая возвращается къ Ивану Царевичу и съ нимъ окончательно и охотно соединяется. Эта сказка несомнѣнно принадлежитъ къ миѳу о Понтархѣ Ахиллесѣ (Царѣ Морскомъ) и Еленѣ и циклу сказокъ о Гралѣ.

Въ бретонской сказкѣ о Иванѣ Царевичѣ, Еленѣ и Жаръ—птицѣ (Fire Side Stories of Ireland P. Kennedy) Елена Прекрасная названа просто греческой принцессой, а Иванъ Царевичъ сыномъ садовника, сторожившимъ яблоки. Въ Сборникѣ бретонскихъ сказокъ, изданныхъ въ переводѣ на Французскій языкъ, наша сказка о Василисѣ Премудрой сравнивается (стр. 259) съ бретонской сказкой о Тамарѣ, превратившейся въ рѣку Тамаръ. Но эта бретонская сказка также есть лишь одинъ эпизодъ изъ погони Морскаго Царя вслѣдъ за дочерью, бѣжавшей съ Иваномъ Царевичемъ. Ιουs Bruyere замѣчаетъ сродство нашей сказки съ легендой о рыцарѣ Лебедя въ Парцивалѣ (послѣднемъ представителѣ пресвитера Іоанна въ Европѣ). При этомъ онъ упоминаетъ La Chanson du Chevalier du Cygne et de Godeffroy de Bouillon pub. par. Aubry, 1874.—Эти рыцари Лебедя сильно напоминаютъ буддійское учрежденіе Контанджей. Миѳъ о Дѣвахъ-Лебедяхъ встрѣчается въ Нибелунгахъ. Гагенъ Троянецъ, захвативъ пернатыя рубашки купающихся въ Дунаѣ дѣвушекъ, возвращаетъ оныя съ условіемъ, чтобы они ему предсказали будущее. Таже сказка сказывается и въ Эддѣ (Voelundarkvidha). Здѣсь Дѣвы-Лебеди, пробывъ 7 лѣтъ съ тремя сыновьями Финскаго короля, улетаютъ на войну. Два брата улетаютъ въ слѣдъ

за ними. Велундръ, хитрѣйшій изъ братьевъ, остается въ Волчьей долинѣ, убиваетъ обоихъ сыновей Шведскаго короля и соблазняетъ его дочь. Велундръ расказываетъ самому отцу, какъ онъ убилъ его сыновей и затѣмъ улетаетъ. Пѣснь кончается упреками отца дочери. Въ этой пѣснѣ, кажется, миѳическій смыслъ на заднемъ планѣ и имъ пѣвецъ пользуется лишь для украшенія своего болѣе или менѣе историческаго разсказа. Намеки на общеизвѣстныя басни встрѣчаются постоянно въ Иліадѣ, Эддѣ и въ Нибелунгахъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что пѣвцы знаютъ миѳы въ полномъ ихъ составѣ и ограничиваются намеками вполнѣ достаточными для слушателей также знакомыхъ съ миѳами въ полномъ ихъ объемѣ. Пѣвецъ Игоревъ находился несомнѣнно въ томъ же положеніи относительно своихъ современниковъ. Нельзя его винить въ томъ, что черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ его соотечественники признаютъ его намеки на всемірныя сказанія темными и лишенными смысла, и на этомъ основаніи приходятъ къ заключенію, что въ текстѣ, пропуски и искаженія. Эдда Семунда и Нибелунги и сама Иліада возбуждали подобныя же недоразумѣнія.

Loys Brueyre (стр. 259) говоритъ вкратцѣ о персидской сказкѣ изъ „Сада Знанія" по расказу въ Fairy Mythologie (Keightley). Судя по выпискѣ, персидскій разсказъ совершенно согласенъ съ вышеприведеннымъ болгарскимъ. Въ персидской сказкѣ прилетаютъ четыре голубя, они обращаются въ прекрасныхъ дѣвушекъ, странникъ похищаетъ ихъ птичью одежду,—тремъ возвращаетъ одежду и удерживаетъ самую красивую дѣвушку, прживаетъ съ ней дѣтей; не смотря на это, голубка, отыскавъ свою одежду, улетаетъ. Характеристическая черта въ болгарской сказкѣ—это явленіе св. Іоанна, который вѣнчаетъ, креститъ дѣтей и тѣмъ не менѣе способствуетъ удаленію Дѣвы-лебедя; характеристическая черта эта обозначаетъ вліяніе Богумильское, напоминающее отношенія супруговъ между

Катарами Южной Франціи. Та же самая сказка LVI подъ именемъ Mermaid разсказывается на Шотландскихъ островахъ съ тою разницей, что вмѣсто лебедя является тюлень. Найдя свою одежду тюлень разстается съ любимыми дѣтьми, прижитыми на землѣ и соединившись въ морѣ съ первымъ своимъ мужемъ тюленемъ, на прощаніи говоритъ покинутому мужу, что хотя она и любитъ его, но больше любитъ перваго. Въ этой сказкѣ дѣло идетъ о стремленіи души освободиться отъ всѣхъ житейскихъ узъ и возвратиться къ своему источнику. Басня эта олицетворяетъ и бытовый фактъ, что похищенная жена бросаетъ домъ и уходитъ къ своему дикому вольному племени. Во всѣхъ остальныхъ редакціяхъ миѳъ лебедя изображаетъ поэзію, искусство и всѣ прелести сего міра.—Niörd (Gylfaginning, 23, Снорровa Эдда) говоритъ:

Горы мнѣ надоѣли, долго я въ нихъ прожилъ,
Сряду девять ночей.
Волчій рыкъ мнѣ сталъ ненавистенъ,
То ли дѣло пѣсни лебедей!
Жена его Скади ему отвѣчаетъ:
Не могу я спать въ постели близъ моря
Изъ-за птичьяго крика.
Меня будитъ, прилетая съ берега
Чайка, каждое утро.

Лебеди не играютъ значительной роли ни въ англосаксонской, ни въ норренской поэзіи и еще менѣе въ германской, что весьма понятно, такъ какъ лебеди принадлежатъ Азіи, Восточной Россіи и всему Сѣверу.—У Кастрена (Ethnologische Vorlesungen über die Altasischen Volker etc. въ 4-й самоѣдской сказкѣ расказывается басня о воздушныхъ дѣвахъ, у коихъ похищаютъ одежду во время купанія, женятся на нихъ, достигаютъ, по средствомъ ихъ, преслѣдуемую цѣль, по достиженіи коей облачныя дѣвы удаляются въ высшій надоблачный міръ въ теп-

лое и пріятное мѣсто. Въ татарскихъ сказкахъ Дѣвы-Лебеди изображаютъ подземныя враждебныя, исполинскія силы, что согласно и съ Персидскихъ эпосомъ, по коему Дивы имѣютъ способность обращаться въ Лебедей.

Cox (Mythologie of the Aryan nations vol. II. 136) передаетъ сходный расказъ въ Вишну Пурана: Дѣвы умоляютъ богиню Бгавани сочетать ихъ съ богомъ Кришну. Пока они купаются, Кришну похищаетъ ихъ одежды и они всѣ три должны къ нему тайно являться для выкупа своихъ рубашекъ. Индѣйская литература еще слишкомъ мало извѣстна, чтобы можно было сдѣлать заключеніе о ея относительной оригинальности. Судя по приведенному примѣру, весьма явно, что общенародный миѳъ о Дѣвахъ-Лебедяхъ не понятъ и переданъ весьма пошлымъ образомъ, такъ что расказъ въ Вишну Пурана никакимъ образомъ не можетъ быть принятъ за источникъ этого миѳа. Loys Brueyre говоритъ, что этотъ же эпизодъ встрѣчается въ Kathasaritsagara, переведенной Вильсономъ и въ разныхъ другихъ индѣйскихъ сочиненіяхъ, цитируемыхъ Гульдомъ.

Упоминаніе волка въ Словѣ о Полку Игоревѣ совершенно понятно и согласно съ значеніемъ волка въ народныхъ повѣріяхъ. Волкъ — олицетвореніе одного изъ свойствъ вѣчнаго Бояна, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и путеводитель Всеслава, отыскивающаго отеческое наслѣдіе. Что касается до лебедей, поражаемыхъ соколами: Ярославомъ, Мстиславомъ и Романомъ, то въ пѣснѣ явно указывается на моду, существовавшую въ началѣ XI столѣтія, представлять вражью силу въ видѣ лебедей, поражаемыхъ одиночно летающими птицами, уподобленіе, сохранившееся во многихъ русскихъ пѣсняхъ и былинахъ. Не будь „та преди пѣснь пояше“ вмѣсто „тому“ — не было бы надобности настаивать на разъясненіи этого мѣста.

Въ первую эпоху христіанства въ Россіи, весьма понятно, существовало стремленіе придавать военнымъ подвигамъ характеръ религіозный и въ врагахъ видѣть невѣр-

ныхъ и весь языческій міръ. При подобномъ стремленіи лебеди изображаютъ правильно вражью силу и могутъ послѣ пораженія пѣть свою лебединую пѣснь въ честь побѣдителя. Подобное уподобленіе встрѣчается въ Шахнаме, гдѣ Дивы являются грозными врагами во всеоружіи, то пѣвцами, то плѣнительными дѣвами для прельщенія иранскихъ витязей. Пѣвецъ Игоревъ обозначеніемъ лебединыхъ пѣсенъ выражаетъ, что въ мистическихъ пѣсняхъ, бывшихъ въ ходу въ XI столѣтіи, состязаніе добраго начала противъ злаго было воспѣваемо представителями пораженнаго міра.

Пѣвецъ, очертилъ миѳическій складъ пѣсенъ Бояна и мистическій русскихъ пѣвцовъ первой эпохи христіанства, заявляетъ этимъ намекомъ свое предпочтеніе „былинамъ сего времени.“ Мистическія же пѣсни, которыя пѣвецъ Игоревъ могъ имѣть въ виду, должны быть пѣсни въ родѣ басни о Иванѣ Царевичѣ и Василисѣ Премудрой, Скандинавской о Велундрѣ и Болгарской о Стоянѣ. Здѣсь, дѣйствительно, пойманная лебедь могла изображать прославленіе и торжество своего побѣдителя. Пѣвецъ Игоревъ этимъ самымъ желалъ выразить свой взглядъ на суету междоусобныхъ подвиговъ и на суету самихъ пѣсенъ. Пѣсни, которыя пѣвецъ обозначаетъ лебедиными, могли также принадлежать къ разряду богатырскихъ сказокъ, въ коихъ ге.ой, Царевичъ или гостинный сынъ, захватываетъ городъ находящійся въ рукахъ невѣрныхъ и освобождаетъ христіанъ.

ХОДИЛИ-ЛИ СКАНДИНАВСКІЕ ПИЛИГРИМЫ НА ПОКЛОНЕНІЕ КЪ СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ЧЕРЕЗЪ РОССІЮ.

Побужденіемъ къ настоящему изслѣдованію послужило гадательное предположеніе о хожденіи Скандинавскихъ пилигримовъ черезъ Россію, не рѣдко выдаваемое за исторически дознанный фактъ.

Reinhold Röricht въ статьѣ своей Die Pilgerfahrten etc., помѣщенной въ основанномъ Раумеромъ Historisches Taschenbuch, за 1876 годъ, говоритъ, что Скандинавскіе поклонники шли обыкновенно черезъ Визби, Новгородъ, Смоленскъ, Черниговъ въ Кіевъ, гдѣ отдѣльныя партіи собирались, спускались по Днѣпру, останавливались у острова Св. Георгія и шли черезъ Варну въ Константинополь, а иногда они спускались въ Черное море по Дону.

Рёрихтъ, обставившій свою статью значительнымъ количествомъ цитатъ, счелъ безполезнымъ указывать, откуда онъ заимствовалъ свѣдѣнія о хожденіи Скандинавскихъ паломниковъ черезъ Россію.

Его подробный дорожникъ есть не что иное, какъ произвольное примѣненіе къ Скандинавскимъ паломникамъ словъ Константина Порфирогенита о Руссахъ, отправлявшихся въ Константинополь съ невольниками и товарами.

Статья Рёрихта, испещренная цитатами, представляетъ живой образецъ положенія скандинаво-русскаго вопроса въ наукѣ. Рёрихтъ весьма обстоятельно и подробно опредѣляетъ путь Скандинавскихъ паломникомъ черезъ Смоленскъ

и Кіевъ по Днѣпру и другой путь по Дону въ XI и XII столѣтіяхъ; онъ также какъ будто положительно знаетъ, что съ XIII столѣтія обычный путь этотъ черезъ Россію прекращается и замѣняется морскимъ путемъ черезъ Фландрію и Голландію.

Адамъ Бременскій, близко знакомый съ бытомъ Датчанъ и Шведовъ и Балтійскаго южнаго прибрежья, говоритъ о пути черезъ Россію какъ о слухѣ темномъ и загадочномъ; сомнѣніе Адама Бременскаго относительно возможности этого пути должно по крайней мѣрѣ возбудить сомнѣніе относительно обычности этого пути.

Нѣчто похожее на подтвержденіе этой гипотезы находится въ спеціальномъ сочиненіи Понтопиндана: Gesta et vestigia Danorum extra Daniam. Lipsiae et Hafniae. 1740. T. I. p. 11. Въ двухъ позднѣйшихъ замѣткахъ, приводимыхъ Понтопинданомъ, говорится исключительно о хожденіи высшихъ духовныхъ лицъ черезъ островъ Готландъ въ Іерусалимъ, передъ посвященіемъ въ епископы. Островъ Готландъ былъ въ особенно близкихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ и Смоленскомъ. Судя по переводу Перингскіольда, въ добавокъ рѣчь идетъ о пути juxta terras Russiae atque Graeciae, а не о пути черезъ Россію.

Понтопинданъ, упомянувъ о вѣнценосныхъ паломникахъ, изъ коихъ ни объ одномъ не сказано, чтобы они ходили черезъ Россію, приводитъ общее замѣчаніе Перингскіольда in Not. ad Vitam Theodorici Regis Gothorum memoratis. cap. 3:

„Antequam Gothlandia constanter Episcopum praefectum assumsisset, Episcopatus munere illic fungebantur religiosis itineribus praeclari viri, qui Hierosolymas adiverant, indeque in patriam reduces facti erant. Ea tempestate solenne erat Hierosolymas adituris iter capessere versus orientem declinando juxta terras Russiae atque Graeciae.“

Къ этой замѣткѣ Перингскіольда Понтоппиданъ прибавляетъ замѣтку: eadem habet Strelovius in chronica Guthilandiae, pag. 129. и приводитъ самыя слова изъ лѣтописи безъ латинскаго перевода: „Vore Annales lyde mange hellige Biskopper og Maend komme flyttende fra det hellige Land og Stad Jerusalem, thi i fordom Tid droge de igiennem Ryssland og ind i Graecia til Jerusalem.“

Графъ Paul de Riant приводитъ тоже показаніе, на основаніи Guta saga, Готландской лѣтописи на древнемъ Готландскомъ нарѣчіи. Этой сагѣ приписываютъ бо́льшую древность чѣмъ исландскимъ и относятъ ее къ XII столѣтію. Выписка изъ Готландской саги дословно находится въ вышеупомянутой замѣткѣ Перингскіольда: „au commencement Gotland n'eut point d' Evêque, car il y en passait un grand nombre qui allaient en pélérinage à la terre sainte de Jerusalem ou en revenaient, car on suivait alors l' oystrawegr à travers la Russie et la Grece pour aller à Jerusalem. les Evêques consacraient donc à leur passage les Eglises et les cimetieres, à la requête des gens qui les avaient fondés“ (Guta saga ch. V. ed. Säve l. XIII. p. 34.). Переводя довольно произвольно à travers la Russie Графъ Paul de Riant (стр. 65) описываетъ существующіе пути на Полотскъ черезъ Двину, на Ладогу и Новгородъ черезъ Неву и Волховъ, за тѣмъ упоминаетъ слова Нестора о волокѣ между Ловатью и Днѣпромъ и переходитъ къ описанію русскаго пути въ IX книгѣ Константина Багрянороднаго объ администраціи.—Кажется, какъ будто гладко и научно, а въ сущности статьи подведены совершенно произвольно.

Судя по латинскому переводу въ замѣткѣ Перингскіольда, французскій переводъ весьма невѣренъ: „versus orientem declinando juxta terras Russiae atque Graeciae“—выражаетъ, что путь шелъ по направленію къ Востоку вдоль земель русскихъ и греческихъ.—Древній текстъ: than tima var veyr oystra um Ryzaland oc Gricland.“—

Въ Готландской хроникѣ Стреловія, повторяющей слова древнѣйшей лѣтописи, эти слова переданы: „the i fordom tid droge de igiennem Ryssland og ind i Graecia."

Труды графа de Riant и Рёрихта весьма добросовѣстны; они видимо имѣли въ виду облегчить другимъ разработку одного изъ важнѣйшихъ стремленій человѣчества, по его всемірности. Стремленіе это, общее христіанамъ, евреямъ, магометанамъ и буддистамъ, есть одна изъ самыхъ осязательныхъ силъ въ организмѣ человѣчества и потому представляетъ богатый матеріялъ для положительной науки. Индія, Палестина и Аравія представляютъ нѣчто похожее на вращеніе крови около сердца. Поклоненіе Святымъ мѣстамъ тѣсно связано съ существованіемъ въ средніе вѣка военнорелигіозныхъ орденовъ, имѣвшихъ весьма сильное и мало изслѣдованное вліяніе на судьбы человѣчества.

Ни въ библіографическомъ перечнѣ, указывающемъ на источники, ни въ перечнѣ самыхъ хожденій, начиная съ IV столѣтія, ни въ самой статьѣ Рёрихта нѣтъ ни малѣйшаго указанія на тѣ именно источники, на основаніи которыхъ сдѣлано имъ весьма опредѣленное утвержденіе, что до XIII столѣтія Скандинавы ходили на поклоненіе къ Святымъ мѣстамъ черезъ Смоленскъ и Кіевъ.

Судя по цитатамъ Рейнгольда Röricht, свидѣтельства о хожденіи Скандинавскихъ паломниковъ черезъ Россію должны были бы находиться въ изслѣдованіи Павла de Riant: Expéditions et pélérinages des Scandinaves en terre Sainte au tems des Croisades. Paris 1865. стр. 100—126. Вмѣсто этихъ хожденій мы находимъ у Ріана весьма любопытныя выписки изъ легендъ о посмертныхъ хожденіяхъ Олафа и объ его отношеніяхъ къ Россіи и Славянамъ прибалтійскимъ.

При пользованіи новѣйшими изслѣдованіями и переводами сагъ необходимо обращать усугубленное вниманіе на произвольное употребленіе выраженій: Варяги, Руссы, Скандинавы, согласно нашей Скандинавской теоріи, какъ рус-

скими, такъ и иноземными изслѣдователями.—Paul de Riant прямо переводитъ „князья всей Россіи" Норренскаго текста Кіевскими Скандинавскими князьями. Едвали, напримѣръ, были Rutheni при осадѣ Антіохіи, упоминаемые Раулемъ de Caen исключительно Скандинавы, такъ какъ извѣстно присутствіе Даніила Паломника въ 1115 году въ войскѣ Балдуина при его походѣ въ Дамаскъ. Paul de Riant приводитъ слова Рауля de Caen о присутствіи Шведовъ и Русскихъ при осадѣ Антіохіи въ концѣ XI столѣтія: „Suevos et Ruthenos et hujus modi linguae suae barbaries audia tuebatur. (Rad. Cad. c. XCIX. Hist. des Croisades III. p. 676.—Paul de Riant. Expéditions et pélérinages, стр. 145.)

Сомнительно, чтобы нашлись свѣдѣнія о хожденіяхъ Шведскихъ паломниковъ черезъ Россію и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ мнѣ не доступныхъ: N. M. Petersen. Hanbdog i den oldnordiske Geographie.

E. C. Werlautt. Symbolae ad Geographiam medii aevi, изданное имъ въ Копенгагенѣ въ 1821 году описаніе хожденія къ Святымъ мѣстамъ по рукописи XIV столѣтія.

Во второмъ томѣ Русскихъ древностей (Ant. Russes. Copenhague 1852, стр. 395), въ статьѣ, посвященной географическимъ свѣдѣніямъ, ничего не находится о хожденіяхъ именно черезъ Россію. На стр. 395 изъ рукописи № 194. XIV столѣтія извлекаются свѣдѣнія, что путь изъ Исландіи въ Палестину шелъ черезъ Норвегію, Alaborg въ Даніи, Vebiorg, Heidabol и Slesvik черезъ земли Саксовъ, черезъ Италію, Апулію и Грецію съ обозначеніемъ мѣстностей и разстояній.

Изъ географическихъ свѣдѣній древнихъ Скандинавовъ и дорожниковъ, записанныхъ со словъ пилигримовъ, видно, что Норрены ходили въ Гренландію, Америку, Неаполь, Грецію, Палестину и Африку и едва знали въ Россіи что либо кромѣ береговъ Невы и Ладожскаго озера.

Въ географическихъ описаніяхъ Аббата Николая, пи-

савшаго около XII столѣтія и Гаука Эрлендсона—въ исходѣ XIII или началѣ XIV столѣтія, упоминаются въ Россіи: Kaenugard, Holmgard, Palteskia и Smalenskia; Гаукъ Эрлендсонъ не упоминаетъ весьма правильно между главными областными городами Россіи Кіева, такъ какъ этотъ городъ въ его время былъ совершенно отчужденъ; Гаукъ знаіъ, что Біармія платила дань Новгороду (ср. Карам. т. IV. гл. 3.).

Копенгагенскіе издатели Русскихъ древностей ссылаются на Symbolae Верлауфа для ближайшаго ознакомленія съ географическими свѣдѣніями Скандинавовъ. Кромѣ упомянутыхъ въ настоящей статьѣ работъ по этому вопросу Рёрихтъ рекомендуетъ: Lalanne. Les pélérinages avant les Croisades въ Bibliothèque des Chartes VII. 4.—Но почтенный трудъ этотъ важныхъ свѣдѣній не сообщаетъ относительно насъ занимающаго вопроса о пользованіи русскими путями.

Изъ древнихъ описаній извѣстны: хожденіе французскаго епископа Аркульфа въ концѣ VII или началѣ VIII столѣтія, описанное Адамомъ, напечатано въ Инголыштадѣ въ 1619 году: Libri de situ terrae Sanctae и въ извлеченіи въ Acta Sanctorum Ord. Sti Bened. Saec. III. т. II. 449—522.

Vita sev hodoeporium Sancti Willibaldi въ 'Canissi Thesaurus. Monum. Вилибальдъ, родившійся въ Англіи и бывшій епископомъ въ Баваріи, отправился изъ Рима къ Св. мѣстамъ въ 721—727 году.

Bernardi Sapientis Monachi itinerarium in loco Sancto издано Мабильономъ въ Acta Sanctorum Saec. III, p. II. Хожденіе его совершено въ 786 году.

Relatio de peregrinatio Saewulfi ad Hierosolymam et terram Sanctam. Напечатано въ Recueil de voyages et de mémoires publié par la Société de géographie, Paris. 1839 т. IV p. 817—854. Хожденіе это издали Thomas Wright и d'Avezac.

De profectione Danorum in terram Sanctam въ 1190—1194 годахъ. Издано Лангебскомъ въ Script. rerum. Danic. 5. 311—362.—

Среди массы упоминаемыхъ хожденій Скандинавовъ Рёрихтъ не исчисляетъ тѣхъ, которыя могли бы подтвердить его показаніе. Если бы таковыя ему были извѣстны, то онъ не упустилъ бы упомянуть о найденныхъ имъ положительныхъ указаніяхъ тѣмъ болѣе, что они были бы самымъ любопытнымъ и новымъ фактомъ въ его статьѣ. Не имѣя возможности прослѣдить всѣ хожденія въ упомянутыхъ книгахъ, мы далеко не ручаемся, чтобы въ нихъ не упоминалось о русскомъ пути: но мы заявляемъ лишь сильное подозрѣніе, что о хожденіи паломниковъ Скандинавскихъ по русскимъ путямъ въ нихъ нѣтъ помину.

Въ 1015—1028 ходилъ къ Святымъ мѣстамъ изъ Исландіи Thordr Sjarcksson, но не видно, чтобы и онъ ходилъ черезъ Россію. Гаральдъ Гардрадъ, зять Ярослава, ходилъ въ 1033—1037 годахъ въ Константинополь изъ Россіи, но не въ качествѣ паломника. Около этого времени распространяется вѣсть въ Норвегіи, что Олафъ, считавшійся умершимъ, живетъ гдѣ-то на Востокѣ. Въ 1046 г. отправляются изъ Скандинавіи Gauti и Gautr,—въ 1052 году Svein Astridarson и Svein Nordbraggi, епископъ Рёскильдскій (Röskild) въ 1086—1088 годахъ, но опять таки не черезъ Россію, такъ же точно какъ и Олафъ. Легенды объ Олафѣ передаютъ, что онъ пробрался на Востокъ черезъ Римъ, гдѣ зимовалъ въ катакомбахъ.

На оборотъ, морской путь черезъ Гибральтаръ, пути черезъ Римъ и черезъ Венгрію обозначены весьма опредѣлительно: замѣтно даже существованіе международныхъ договоровъ, обычаевъ и учрежденій, облегчавшихъ для паломниковъ Скандинавскихъ хожденіе въ Палестину черезъ Италію.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ извлеченіи географическихъ свѣдѣній Скандинавовъ о Россіи, помѣщен-

номъ во 2-мъ томѣ (Antiquités Russes. Copenhague 1852), также весьма мало находится свѣдѣній о Россіи. Въ книгѣ Гаука Эрлендсона упоминаются: Nepr, Nyia, Seimgala Duna (вѣроятно Семигальская, Западная Двина въ отличіе отъ Сѣверной, точно также и Эльба названа Saxelfr), Olgoka (вѣроятно Волховъ), Vina (Сѣверная Двина), Kuma (Кама), Saxelfr, Padus, Tibr, Rodon, Betis (Гвадалквивиръ). Въ той же книгѣ Россія (Ruczia), называемая также Гардарики, составляетъ часть великой Скиѳіи (Svi-ðioð hinmicla); въ ней главные города: Muramar (Муромъ), Rostofa, Sursdalar (Суздаль), Holmgardr, Syrnes, Gadar, Palteskia, Koenugardr, гдѣ жилъ Магогъ, сынъ Яфетовъ. Къ Гардарикіи прилежатъ страны: Kirjaler, Refaler, Tafeistaland, Virland, Eistland, Lifland, Kurland, Ermland, Pulinaland, Vindland, на западъ сосѣдняя съ Даніей. На востокъ отъ Польши (Polena тоже что и выше упоминаемая Pulinaland) Reidgodhia и Hunnia. Этотъ очеркъ великой Скиѳіи весьма важенъ тѣмъ, что въ немъ причисляется къ Скиѳіи страна Вендовъ, прилегающая къ Даніи, для отличія отъ Вендовъ, Новгородскихъ Словенъ; Reidgodhia и Hunnia на востокъ отъ Польши можетъ быть —только степная Россія, gothia campestris, и Новороссійскій край отъ Дуная до Кавказа.

Самый переводъ „Svithiod in mikla", великая Скиѳія, Швеціей уже много способствуетъ затемненію дѣла. Snorri Sturleson въ первой главѣ Инглинга саги весьма опредѣлительно говоритъ, что обозначаетъ Svithiod in mikla и Svithiod вообще: Въ Свитіодѣ много земель и много чудныхъ народовъ разнаго рода и много языковъ; тамъ есть великаны и карлики; есть также и синіе люди (Blamenn). Изъ горъ на сѣверъ, въ необитаемыхъ странахъ, течетъ рѣка черезъ Свитіодъ, основательно называемая Танаисомъ, ее прежде называли Танаквислъ или Ванаквислъ, она впадаетъ въ Черное море. Среди притоковъ Ванаквислы лежитъ такъ называемая Ваналандія или Ванагеймръ,

міръ Вановъ (т. е. Славянъ). Свитіодъ тоже что и древняя Скиѳія, простиравшаяся отъ Дуная далеко на Востокъ за Уралъ и Каспійское море.

Здѣсь для полноты изслѣдованія нашего вопроса о путяхъ русскихъ и сношеніяхъ съ скандинавскими династіями считаемъ нужнымъ указать на историческія, географическія и миѳологическія сказанія, которыя такъ или иначе соприкасаются съ нашимъ вопросомъ о похожденіяхъ разныхъ Норренскихъ витязей по Россіи и о томъ, каково было положеніе Россіи въ то время.

Въ Oervarod saga, значительно отличающейся отъ прочихъ скандинавскихъ сагъ относительно Скандинавской миѳологіи, географіи и исторіи, встрѣчаются въ 30-й главѣ болѣе подробныя географическія свѣдѣнія о Россіи; эти свѣдѣнія тѣже, что и выписанныя выше свѣдѣнія Гаука Эрлесона, жившаго въ концѣ XIII и началѣ XIV столѣтія. Весьма значительная часть похожденія героя саги Одда, прозваннаго стрѣлой (Örvar), происходитъ въ Россіи въ IX ст. Судя по разнымъ варьянтамъ, этотъ Норвежецъ съ острова Рафнисты, проживалъ въ Hunaland, Греціи и Гардарикѣ. Въ Гардарикѣ т. е. Россіи Оддъ, послѣ многихъ богатырскихъ подвиговъ, женился на дочери короля Herraud, княжнѣ Силькизифѣ.—Послѣ смерти тестя онъ былъ провозглашенъ королемъ и имѣлъ отъ Силькизифы двухъ сыновей—Асмунда и Геррауда. На старости лѣтъ ему захотѣлось вернуться на островъ Рафнисту посмотрѣть, что тамъ сталось съ его помѣстьями. Жена его отговаривала, припоминая ему, что у него довольно имѣній, обладая неограниченно всей Россіей. Оддъ, однако, не утерпѣлъ и отправился въ Рафнисту, гдѣ онъ пробылъ двѣ недѣли и, раздѣливъ свои помѣстья, отправился обратно на югъ. На возвратномъ пути Оддъ умеръ ужаленный, согласно предсказанію, въ ногу, змѣей, выползшей изъ черепа коня его Факсія. Послѣ смерти его вдова управляла Россіей; съ этого времени усилилась въ Россіи его династія. Весьма

очевидно, что въ этой сказкѣ расказывается та же легенда, что и объ Олегѣ: но ни кто другой въ ней не имѣется въ виду, какъ самъ Олегъ. Есть значительный поводъ предполагать, что сага составлена по пѣснямъ объ Олегѣ, слагавшимся въ Россіи, такъ какъ эта сага отличается рѣзко отъ прочихъ сагъ во всемъ, что касается до исторіи, миѳологіи и даже географіи Исландскихъ сагъ. Намъ невозможно сомнѣваться, что въ Oervarodd сагѣ рѣчь идетъ именно объ Олегѣ, такъ какъ въ ней выражена весьма вѣрная замѣтка, что съ его времени усилилась въ Кіевѣ династія Русская. Господство Олега въ Россіи въ этой сказкѣ не объясняется призваніемъ или завоеваніемъ, а вступленіемъ въ бракъ съ дочерью короля; изъ этого ясно видно, что миѳъ о Скандинавскомъ господствѣ даже не мерещился норренскимъ хвастливымъ разсказчикамъ. Ср. прим. 197 второй части изслѣдованія С. А. Гедеонова: „Варяги и Русь“ и разсказъ, приводимый Маллетомъ въ его Introduction a l' Histoire du Dannemarc. Незамѣтно также въ сагахъ господство Скандинавовъ даже въ Біарміи: Гримъ ходитъ въ Біармію съ намѣреніемъ убить Гіалмара и этимъ подвигомъ заслужить руку дочери Шведскаго короля Карла. Гримъ убиваетъ Гіалмара; отецъ Гіалмара Гаренъ, въ отмщеніе за смерть сына, опустошаетъ Швецію; король Шведскій Карлъ и отецъ Грима, Ерикъ убиты, но самъ Гаренъ попадаетъ въ плѣнъ, Гримъ великодушно предлагаетъ ему дружбу и союзъ. Упоминаемые въ Гелмскринглѣ походы Скандинавовъ въ Россію вполнѣ уничтожаютъ теорію о скандинавскомъ господствѣ въ Россіи въ сѣверныхъ, финскихъ частяхъ нынѣшней Россіи. Здѣсь кроется сильное нерасположеніе Шлецера и его школы къ скандинавскимъ источникамъ. Въ нихъ, дѣйствительно, много баснословнаго, но трудно найти болѣе чистосердечный расказъ, записанный добросовѣстно и довѣрчиво со словъ участниковъ въ дѣлахъ, очевидцевъ и странниковъ.

Въ 97 главѣ Саги объ Олафѣ Тригвазонѣ упоминается о походѣ Ярла Эйрика въ восточный путь. Этотъ Ярлъ Эйрикъ, бѣжавшій изъ Норвегіи въ Швецію, получилъ отъ Олафа убѣжище (fridland), гдѣ онъ могъ держаться съ своими людьми. Онъ ходилъ по разнымъ мѣстамъ, чтобы набирать людей и добра и сидѣлъ на Готландѣ въ надеждѣ завладѣть кораблями (глава 96). Съ острова Готланда онъ вернулся въ Швецію, гдѣ пробылъ двѣ зимы, оттуда весной отправился съ войскомъ въ восточный путь. Прибывъ въ Володимірово царство, онъ жегъ, опустошалъ страну и побивалъ людей. Оттуда онъ пошелъ на Ладогу и осадилъ городъ, побилъ тамъ много народа, сжегъ и разорилъ городъ и вслѣдъ затѣмъ ходилъ съ войскомъ по Гардарику пять лѣтъ сряду, а затѣмъ обратилъ оружіе противъ Датчанъ.

Подобный же походъ въ Біармію упоминается въ 14 главѣ Саги о Гаральдѣ Грауфелѣ и о большой битвѣ на высотахъ Сѣверной Двины (Vinobacka) противъ Пермянъ. Въ этой сагѣ также весьма явно опредѣлены отношенія Скандинавовъ къ Россіи. Короли Гаральдъ и Гудредъ, выйдя въ море (глава 9), не знаютъ куда путь держать,—въ Западное море или восточный путь. Оба короля расходятся на грабежъ, каждый въ свою сторону. Король Гудредъ обращается къ королю Тригвѣ, отцу Олафа, съ предложеніемъ итти вмѣстѣ весной грабить восточный путь. Тригве, узнавъ, что у Гудреда мало людей, пришелъ къ нему съ однимъ судномъ. Во время свиданія обоихъ королей, Тригве съ 12 людьми былъ убитъ людьми Гудреда. Упоминаніе въ сагахъ столь незначительныхъ о нападеніяхъ Шведовъ на Ладогу, Сѣверную Двину и Пермскую землю и неупоминаніе о водвореніи династіи, соединившей Россію отъ Балтійскаго моря до Чернаго, достаточно указываетъ, что въ Россіи не водворялась Скандинавская династія. Это соображеніе тѣмъ болѣе достовѣрно, что Владиміръ и Ярославъ были въ родственной связи съ англійскими, норвежскими

и датскими династіями, фактъ весьма извѣстный составителямъ сагъ. Это соображеніе не могло ускользнуть отъ вниманія С. А. Гедеонова, спеціально изучившаго этотъ вопросъ, и поставившаго его на положительную, научную почву.

Въ баснословной Эддѣ прародитель всѣхъ Норренскихъ династовъ не выходитъ изъ Скандинавіи въ Россію, но выходитъ изъ Азгарда, лежащаго на восточномъ берегу Дона, заимствовавъ вдохновительный напитокъ въ медѣ, составленномъ изъ крови Вана (Словенина), Квасира, сохранившаго даже славянское прозвище отъ броженія, равно какъ и другой представитель мудрости и краснорѣчія— Браги имѣетъ славянское прозвище также отъ броженія. Одинъ переноситъ на Сѣверъ азіятскіе, скифскіе, тюркскіе обычаи и законы, принадлежавшіе древней Трои. Одинъ вводитъ въ Скандинавскихъ земляхъ сожженіе мертвыхъ и потому тождественъ съ Совіемъ, упоминаемомъ въ Русскомъ Хронографѣ (Предисловіе къ лѣтописцу Переяславль-Суздальскому изд. кн. Оболенскимъ въ 1851 г.): „О великая прелесть діавольская, яже въведе въ Литовскій родъ и Ятвязъ и въ Проусы и въ Емь и во Либь и иныя многы языкы, иже Совицею нарицаются, мняще и душамъ своимъ суща проводника въ адъ Совья.“ Не смотря на массу именъ, придаваемыхъ Одину въ обѣихъ Эддахъ, кажется, Совіемъ Одинъ не называется, но ему посвящались души всѣхъ умершихъ на полѣ сраженія и имъ введено было сожженіе мертвыхъ съ принадлежавшимъ имъ имуществомъ, которое съ нимъ переходило въ Валгалу. Одинъ былъ первый преданъ сожженію послѣ смерти.

Саксо Грамматикъ, умершій въ 1204 году, говоритъ, что Одина почитали за бога во всей Европѣ, что онъ пребывалъ въ Упсалѣ и Византіи, гдѣ проживали съ нимъ и прочіе боги. Одинъ, огорченный развратнымъ поведеніемъ жены его Фригги, блуждалъ по бѣлому свѣту. Въ это время явился ложный Одинъ, котораго настоящій изгналъ

послѣ смерти Фригги и вступилъ снова въ права главнаго бога.—По убіеніи сына его Бальдера Готеромъ, Одинъ обратился къ колдуну, чтобы узнать, какимъ образомъ можно отмстить за убіеніе Бальдера. Колдунъ изъ Финновъ предсказываетъ ему, что у него родится сынъ отъ Русской княжны, который отмститъ за убіеніе брата. Одинъ отправляется ко двору Русскаго князя и, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ и волхвованій, неблаговиднымъ образомъ успѣваетъ въ своемъ предпріятіи и княжна родитъ сына названнаго Бо. Это единственное указаніе о водвореніи Одинова ученія въ Россіи; указаніе это какъ будто соотвѣтствуетъ появленію Совія, упоминаемаго въ Хронографѣ. Боги, пребывавшіе въ Константинополѣ, узнавъ про неблаговидные поступки Одина, отрѣшили его отъ исправляемой имъ должности верховнаго божества, объявили его даже внѣ закона и возвели въ боги Оллера, которому дали имя Одина. Послѣ десяти лѣтъ Одину снова удалось удостоиться милости боговъ и Оллеръ долженъ былъ удалиться въ Швецію, гдѣ онъ и умеръ. Во второй книгѣ Саксо Грамматикъ приводитъ латинскіе стихи изъ Bjarkemaal, древняго и знаменитаго стихотворенія. Саксо говоритъ, что во времена короля Фрода Одинъ съ другими колдунами прельщалъ умы во всей Швеціи, Даніи и Норвегіи, и явился во время Бравальскаго сраженія, а во времена короля Ярмерика возвратилъ зрѣніе Датчанамъ, ослѣпнувшимъ во время сраженія и научилъ ихъ употреблять каменное оружіе, когда имъ заговаривали ихъ металлическое оружіе.

Въ обѣихъ Эддахъ и по свидѣтельству Саксо-Грамматика, Одинъ и его Асы составляли общество чародѣевъ и кудесниковъ, имѣвшее своимъ главнымъ центромъ Константинополь и Азгардъ на Дону, такъ что невозможно признать, чтобы даже духовное вліяніе исходило изъ Швеціи въ Россію, но на оборотъ несомнѣнно, что движеніе военное и духовное распространялось на сѣверъ съ прибрежьевъ Чернаго моря,

Въ Эддѣ упоминается, что часть Асовъ и Вановъ осталась на Дону по удаленіи Одина на Сѣверъ, а Саксо Грамматикъ сообщаетъ намъ мудрое соображеніе, въ силу коего Одинъ женился на Русской княжнѣ, чтобы отмстить за убіеніе его брата, т. е. иносказательно за преслѣдованіе маговъ или другихъ кудесниковъ въ Греческой имперіи. Это соображеніе можетъ соотвѣтствовать переселенію на Сѣверъ послѣ пораженія Азовскихъ пиратовъ Помпеемъ въ 65 г. до Р. Х. или послѣ преслѣдованія огнепоклонниковъ императоромъ Ираклiемъ въ 622—628 послѣ Р. Х.

Скандинавская теорія весьма страждетъ въ слѣдствіе свидѣтельства Саксо Грамматика, что одинъ изъ 12 боговъ пребывалъ въ Константинополѣ.—Это пребываніе боговъ въ Константинополѣ вполнѣ подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что Скандинавскіе пилигримы объясняли свое стремленіе на Востокъ именно пребываніемъ своихъ боговъ въ Константинополѣ и Малой Азіи.—Англичанинъ Рикотъ въ описаніи турецкой Имперіи говоритъ вскользь о какой-то полухристіанской сектѣ, существовавшей въ концѣ прошлаго столѣтія между приближенными царедворцами султановъ. Самая кончина Одина, наносившаго себѣ раны копіемъ передъ смертью, связываетъ его ученіе съ мистической фигурой морскаго Царя (le Roi Pecheur), также пораженнаго копіемъ и ожидающаго избавителя въ загадочныхъ романахъ Артуровскаго цикла.—Уже Филостратъ упоминаетъ о связи мистической чаши, найденной на островѣ Критѣ съ поклоненіемъ Понтарху Ахиллесу на Азовскомъ морѣ.—Едва ли эта связь Ахиллесовской общины съ ученіемъ о Гралѣ не была извѣстна въ средніе вѣка у насъ и въ Исландіи. Въ Славянской редакціи Троянской исторіи Ахиллесъ названъ сыномъ царя Фирелеша, а Одинъ въ предисловіи Эдды Снорра Стурлезона: „Fjarllaf, котораго мы называемъ Fridleif, родилъ сына Водина, котораго мы называемъ Одинъ.“ Въ разныхъ Скандинавскихъ памятникахъ встрѣчаются варіанты Frealaf, Frjalafr, въ Chronicon

Saxonicum—Friduvald. Henri de Huntigton называетъ Одина Woden, а отца его Fredealaf. Въ родословіи Польскаго племени у Кадлубка также упоминается Philara сынъ Ивана и внукъ Яфета, сынъ Филары Аланъ, отецъ Анхиза и т. д.

Хиронъ Филиридъ, учитель Ахиллесса, Язона, Геркулеса также ранитъ себя передъ смертью стрѣлой Геркулеса. Ученіе, коего представителемъ былъ Хиронъ и впослѣдствіи Ахиллесъ, мало было извѣстно классическому міру. Ученіе это сохранилось наиболѣе въ Эддахъ, бретонскихъ басняхъ объ Артурѣ, и въ героическихъ разсказахъ Филострата. Родословныя Римлянъ, Англосаксовъ, Бретонцевъ, Франковъ, Норреновъ, Турокъ ведутъ свое племя отъ Троянской династіи; трудно и намъ выскочить изъ этой генеалогіи, будь мы Аріи, либо Туранцы. Древнѣйшая форма имени Одина—Воденъ не дозволяетъ сомнѣваться, чтобы Одинъ не былъ славянское водяное божество и именно морской царь русскихъ и бретонскихъ сказокъ.—Сомнѣніе тѣмъ менѣе возможно, что Одинъ весьма положительнымъ образомъ отождествляется въ Геймскринглѣ и съ классическими морскими оборотнями Протеемъ и Периклименомъ. —Въ Геймскринглѣ „Одинъ мѣнялъ шкуру, тогда тѣло лежало какъ будто во снѣ или мертвое, онъ же обращался въ птицу, звѣря или змѣей, мигомъ переносясь въ отдаленныя страны для своихъ дѣлъ либо для посторонннхъ“ (Heimskringla—de arte magica Odinis).

Схоліастъ Аполлона Родійскаго (Hesiodi Carmina, Parisiis 1841. F. D. dot. 50) приводитъ стихи Гезіода: „Периклименъ по милости Нептуна являлся между птицъ орломъ, ползалъ муравьемъ, обращался въ пчелиный рой или претворялся въ страшнаго змѣя; онъ обладалъ тысячью дарами, которыхъ описать невозможно, но эти дары послужили къ его погибели по волѣ Минервы“.

Трудно сомнѣваться, чтобы пѣвецъ Игоревъ, говоря о Всеславѣ, не имѣлъ въ виду пѣсни о Волхвѣ Всеславичѣ

и миѳовъ о Периклименѣ и о Протеѣ, дошедшихъ до насъ лишь въ отрывкахъ, какъ чуждыхъ въ греческомъ баснословіи. Не лишне здѣсь припомнить, что намеки въ пѣсняхъ о походѣ Игоря, о Волхвѣ Всеславичѣ, о Садкѣ гостинномъ сынѣ, находясь въ ближайшемъ сродствѣ съ баснями объ Одинѣ, бретонскими и Египетскими сказками о Морскомъ Царѣ, суть вполнѣ оригинальныя и несравненно болѣе первичныя, чѣмъ разсказы Снорра Стурлезона, Геродота, Эврипида. Миѳъ о происхожденіи великаго Словенска, нынѣшняго Новгорода, принадлежитъ къ тому же циклу морскихъ и водяныхъ басенъ: „и реку нѣкую во Ильмѣрь впадшую прозваша во имя жены Словенова Шелони, во имя же меньшаго сына Словенова Волковца и паки обращаетъ въ него большій сынъ оного князя Словена Волховъ бѣсоугодный и чародѣй лютъ въ людехъ, тогда бысть и бѣсовскими ухищреньми и мечты творя многажды и преобразуясь во образъ лютого звѣря коркодѣла и залегаше въ той рѣцѣ Волхове путь водный и непокланяющихся ему овыхъ пожираху изверзая и потопляше. Сего же ради люди тогда невѣгласи сущимъ богомъ окояннаго того нарицаху.“

Весьма естественно, что Русскіе Славяне, селившіеся близъ устьевъ рѣкъ и подымавшіеся вдоль теченія рѣкъ, преимущественно держались ученія о божественности воды и рѣкъ.—У древнихъ Грековъ весьма замѣтно преобладаніе именъ происходящихъ отъ славы, именно въ системѣ водяныхъ божествъ: Периклименъ, Теоклименъ и Климена. Всѣ водяныя божества имѣли свойства превращенія, символизирующее ученіе, что всѣ зародыши содержатся въ водѣ, а сама вода въ невидимомъ и неосязаемомъ состояніи все проникаетъ во всей вселенной.

Въ превращеніяхъ Овидія (VIII) мысль эта выражена довольно ясно по поводу Протея:

То ты являешься зміемъ, къ которому страхъ
прикоснуться,

То молодымъ человѣкомъ, то львомъ, то неистовымъ вепремъ,
То у тебя выростали рога,—ты въ быка обращался,
То измѣнялся ты въ камень иль древо; то протекалъ ты,
Виду прозрачной воды подражая, широкой рѣкою;
То вдругъ являлся огнемъ, враждебнымъ водѣ элементомъ.

Даже и эта мысль выражена въ баснѣ о Словенѣ и Русѣ: „и Грома его (Волхва) или Перуна рекома Бѣлорускимъ языкомъ"....

Связь языческихъ преданій съ стремленіемъ Скандинавскихъ пилигримовъ къ Константинополю, Малой Азіи и Іерусалиму была ими весьма опредѣленно высказываема. Въ Эддѣ Снорра Стурлезона приводятся слова Эйлифа Гудрунарсона, что Іисусъ Христосъ живетъ близь источника Urda. Самъ Спаситель называется Iordanar Konungr.—Азгардъ, Упсала, Троя и Константинополь сливаются въ одинъ городъ; въ Византійскихъ статуяхъ и фрескахъ Датчане узнавали своихъ Асовъ. Слова Сакса, что боги засѣдаютъ въ Константинополѣ и назначаютъ и смѣняютъ главнаго бога, достаточно объясняютъ, почему Скандинавы видѣли въ Константинополѣ свою святыню.—Путаница въ Скандинавскихъ сагахъ много способствуетъ объясненію, какъ переходили миѳы съ Юго Востока на Сѣверо Западъ. Оригинальная розработка миѳовъ у разныхъ народовъ указываетъ, что не миѳы переносились съ мѣста на мѣсто, а самыя учрежденія и обряды. Такъ понимали этотъ вопросъ и Римляне. Римляне отвергли племенное происхожденіе отъ мало-азійскихъ народовъ, но сознавали, что они отъ нихъ заимствовали религіозныя учрежденія.—Пора однако съ тропы Трояновой повернуть къ положительнымъ путямъ идущимъ съ Сѣвера Европы въ Палестину.

Рѣрихтъ весьма утвердительно говоритъ, что съ XIII столѣтія Скандинавскіе пилигримы шли большею частію

западнымъ путемъ, т. е. морскимъ въ соединеніи съ Голландцами и Фризами.—Посему слѣдовало бы ожидать, что онъ имѣлъ и другія болѣе прочныя основанія, чѣмъ отождествленіе Руси и Скандинавовъ. Въ Antiquités Russes, T. II. 440, между отрывками изъ географіи Гаука Эрледсона помѣщено любопытное свѣдѣніе о русскомъ пути по рукописи № 194, см. стр. 396. Этотъ путь тотъ же, что и упоминаемый арабскими писателями изъ Кіева черезъ Львовъ во Фландрію.

A Saxonia pedestri itinere in Ungariam itur, inde iter est, utro libuerit, orientem versus Gardos in Graeciam ad urbes Miklagardi indeque Hierosolymam. Urbs Romaborg dicitur Roma, Miklagardus—Constantinopolis, urbs Iorsalaborg—Hierosolyma.

Въ извлеченіяхъ изъ Исландскихъ лѣтописей, помѣщенныхъ въ Antiquités Russes, T. II. p. 374, находимъ подъ годомъ 1096 положительное указаніе о началѣ хожденій Скандинавовъ въ Палестину: inceperunt expeditiones Hierosolymitanae ex terris Septentrionalibus [of Nordzlöndum]. Подъ годомъ 1107, Sigurdus rex ex regno suo Hierosolyma iter suscepit. Sigurd Iorsalafare упоминается въ т. I. 382 и т. II. 62—67.

Proxima aestate rex Sigurdus trajecto mari Graeciae in terram Hierosolymitanam navigavit (стр. 67).

Rex Sigurdus: Hierosolyma adii, Apuliam attigi (стр. 73).

Rex Sigurdus ab Constantinopoli profectus multis suorum remanentibus et militiae nomina dantibus per Bulgariam, Pannoniam, Sueziam et Bavariam iter fecit (72).

Thomas Wright въ Early travels in Palestine расказываетъ о хожденіи Сигурда. О присутствіи Сигурда при осадѣ Бейрута въ 1110 году упоминаетъ Guillaume de Tyr.—Дорогой поклонники захватили Цинтру въ Португаліи и ограбили Лиссабонъ. Они приняты были съ почетомъ Балдуиномъ и ходили съ нимъ на Сидонъ и Бей-

рутъ. На возвратномъ пути они заходили въ Константинополь (стр. 73). Императоръ Алексѣй наградилъ ихъ богатыми подарками. Сигурдъ задалъ пиръ императору и императрицѣ. Не найдя для приготовленія кушанья дровъ на рынкѣ, онъ приказалъ накупить орѣховъ и употребить ихъ вмѣсто топлива. Императрица, освѣдомившись объ этомъ, сказала: вотъ великолѣпный король, не жалѣющій ничего чтобы уважить своихъ гостей.

Wright упоминаетъ и о другихъ хищническихъ предпріятіяхъ при хожденіи на поклоненіе по морю.

Не слѣдуетъ забывать, что въ это время путь по морю, кромѣ опасности самаго плаванія, былъ крайне опасенъ вслѣдствіе сильныхъ морскихъ разбоевъ, производимыхъ Сарацинами въ Средиземномъ морѣ.

Подъ годомъ 1151 упоминается Expeditio Hierosolymitana Rögnvaldi kalii comitis ex Orcadibus et Erlingi Skakkii. (Ant. Russes, II. p. 374.)

Въ Orkneyinga Saga (стр. 216): Rognvaldus comes Orcades relicturus se aestate (1152) itineri accingebat, sero paratus, Eindridium enim, donec navis ejus ex Norvegia veniret, diu exspectarunt; parati autem ex Orcadibus solvunt, quindecim naves ingentes; hi fuere rectores navium. Rögnvaldr jarl, Erlingr Skakki, Vilhjalmr Biskup, Aslakr Erlendsson, Guthormr, Magnus Hawardsson, Svein Hroaldsson, Eindridi ungi quique eum sequebantur, non nominati; ex Orcadibus meridiem versus ad Scotiam navigabant indeque in Angliam.

На стр. 217 Inde Rögnvaldr jarl meridiem versus in Cretam navigavit.

На стр. 220 и 221 описывается возвратный путь Рогволода изъ Константинополя: Eadem hieme Rögnvaldr jarl iter Miklagardo ingressus primo Occidentem versus Dyrrhachium [Dyrakzborgar] in Bulgariam profectus est; inde occidentem versus per mare in Apuliam navigarunt. Ibi Rögnvaldr jarl et Erlingr et Vilhjalmr horumque

socii amplissimi naves reliquerunt equisque comparatis primo Romam equitarunt, indeque via Romana iter fecerunt, donec in Daniam pervenerunt; hinc in Norvegiam (Noregr) delati....

Этотъ Скандинавскій Рогволодъ въ Константинополѣ и на Оркадскихъ островахъ не есть ли Полотскій Рогволодовичъ, происходящій по прямой линіи отъ Всеслава Брячеславича. Въ рукописной родословной князей Полотскихъ (Сія книга глаголемая перечень всякимъ розряднымъ дѣламъ по всякимъ вѣрнымъ свидѣтельствамъ писанъ по снискательству вѣрнаго тщательства,—стр. 127 на оборотѣ) сказано: „а у Всеслава дѣти Борисъ, Ростиславъ, а у Бориса дѣти Рогволодъ, а у Рогволода дѣти Василій, Иванъ, Ростиславъ.—Начало государей Литовскихъ въ лѣта SXIZ. Приде на Полоцкіе князи на Рогволодичи князь Великій Мстиславъ Володимеровичъ Мономашъ и Полотескъ взялъ, а Рогволодичи збежали во Царь Градъ. Литва въ ту пору дань даяше Княземъ Полотскимъ а владома своими Гетманы.“ Рогволодъ Эймундовой саги несомнѣнно внукъ Володимеровъ.

Если бы династія Рогволодовичей дѣйствительно представляла господство Скандинавскаго племени въ Литовской Руси, то въ отношеніяхъ Полоцкихъ князей къ Владиміру Святому и преемникамъ Владиміра Мономаха опять таки не возможно видѣть торжество Скандинавскаго племени въ Юго-Западной Россіи.—Близкія отношенія Рогволодовичей къ составителямъ сагъ кроются не въ племенныхъ отношеніяхъ, а религіозныхъ. Рогволодовичи были на Сѣверѣ послѣдними представителями языческой династіи Магусовъ датскихъ и русскихъ. При слабомъ и непродолжительномъ вліяніи въ Полотскѣ Великихъ князей Кіевскихъ какимъ образомъ господствующимъ языкомъ могъ сдѣлаться Русскій, а не Норренскій, если бы Литовскіе князья не принадлежали Русскому племени?

Весьма мало видно слѣдовъ хожденія къ Святымъ

мѣстамъ не только изъ Швеціи, но и вообще съ Балтійскаго моря черезъ Россію. Адамъ Бременскій говоритъ о хожденіи черезъ Россію какъ о слухѣ, IV. § 15. „Утверждаютъ тоже знакомые съ мѣстностію, что изъ Швеціи ходили сухимъ путемъ даже до Греціи. Но варварскія племена, находящіяся въ срединѣ, затрудняютъ этотъ „путь, почему отваживаются на опасность на корабляхъ.“

Эта замѣтка Адама Бременскаго во второй половинѣ XI столѣтія положительно трудно вяжется съ теоріей о шведскомъ владычествѣ въ Россіи. Дружины поклонниковъ, захватывавшихъ города и крѣпости по дорогѣ, опасались идти по Двинѣ и Днѣпру въ Константинополь; а вмѣстѣ съ тѣмъ Адамъ Бременскій упоминаетъ о дочери Олафа, короля Шведовъ, Ингегердѣ: Olaph rex Sueonum Christianissimus erat filiamque Sclavorum Estred nomine de Obodritis accepit uxorem, ex qua genitus est filius Jacobus, (Anund) et filia Ingrad, quam rex sanctus Gerzlof (Ярославъ) de Ruzzia duxit in conjugi. (II. § 37).

Ему извѣстны также подвиги Гаральда въ Скиѳіи и Греціи (III. 12). Въ схоліи 63 упоминается о женитьбѣ его на дочери Ярослава. Близкія отношенія династовъ Норренскихъ къ Русскимъ были вполнѣ извѣстны Адаму Бременскому, а тѣмъ не менѣе изъ его словъ видно, что въ концѣ XI столѣтія, торговые караваны и поклонники не ходили изъ Швеціи въ Константинополь черезъ Россію; сомнѣніе, высказанное Адамомъ Бременскимъ о возможности хожденія черезъ Россію, не дозволяетъ предполагать, что Норрены въ IX, X и XI вѣкѣ завладѣли путями по Невѣ, Волгѣ и Днѣпру; фактъ этотъ на столько былъ бы крупенъ въ глазахъ современниковъ даже и въ IX вѣкѣ, что онъ не могъ бы ускользнуть отъ вниманія западныхъ, восточныхъ и греческихъ писателей.

Движеніе Варяговъ въ Россіи, замѣтно по лѣтописямъ во времена Ярослава и Владиміра; это совершенно совпадаетъ и съ показаніями греческихъ и скандинавскихъ

писателей, упоминающихъ о Варягахъ лишь съ 1034 года. О водвореніи Рюрика и его Руссовъ въ Россіи не упоминается ни въ нашихъ, ни въ иностранныхъ лѣтописяхъ, потому что это событіе было незамѣтно, какъ начало всякаго естественнаго развитія. Призваніе Рюрика равнялось учрежденію постояннаго войска при нѣсколькихъ пунктахъ, обезпечивавшихъ новгородскія земли на Ладожскомъ озерѣ и на Бѣлоозерѣ и путь по Невѣ.

Что племя, говорившее на Норренскомъ языкѣ, играло значительную роль на всемъ Сѣверѣ Европы, не исключая и Сѣверной Россіи, то въ этомъ нѣтъ основанія сомнѣваться; господство Скандинавовъ отъ Норвегіи до Урала весьма могло нѣкогда существовать въ большей мѣрѣ, чѣмъ во время историческаго развитія новгородскихъ колоній. Судя по сагамъ, владычества скандинавскаго незамѣтно даже въ Біарміи, и именно при обращеніи вниманія на упоминаемые походы скандинавскихъ витязей въ Сѣверной Россіи. Дѣло въ томъ, что господство это весьма загадочно и въ историческую эпоху намъ достовѣрно извѣстно, что готландскіе и ганзейскіе нѣмецкіе купцы ходили по Россіи не иначе какъ въ силу договоровъ съ Новгородомъ и по тѣмъ направленіямъ, которыя находились во власти Новгорода.— Сношенія Новгорода съ ганзейскими городами начались поздно и замѣнили прежнія отношенія новгородскихъ Славянъ и Руссовъ съ славянскими городами южнаго прибрежья Балтійскаго моря. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что новгородскіе Словѣне нашихъ лѣтописей суть не что иное какъ вендскіе жители Новгорода, отличавшіеся отъ другихъ старожиловъ Новгорода, прибалтійскихъ Пруссовъ; эти новгородскіе Славяне и Пруссы были бы Варягами, если бы они не были мирными торговцами. Призваніе Руси было не что иное какъ послѣдствіе необходимости торговой колоніи слиться съ мѣстнымъ народонаселеніемъ, Русью и Корѣлой; изъ нихъ послѣднія суть представители того союза Руси и Финскихъ племенъ, который

призвалъ военно-организованную морскую Русь, состоявшую въ союзѣ съ разноплеменными Варягами, господствовавшими на моряхъ, и подъ именемъ Руссовъ упоминаемыхъ въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ.

При томъ наплывѣ Варяговъ въ Россію, который весьма замѣтенъ по нашимъ лѣтописямъ, а равно по Германскимъ, Исландскимъ и Датскимъ, весьма вѣроятно, что съ торговыми караванами и военными дружинами приходили люди съ намѣреніемъ скитаться по Русской землѣ и даже съ намѣреніемъ пробираться до Іерусалима. Ни подобныя одиночныя хожденія, ни даже хожденія въ Іерусалимъ высшихъ духовныхъ лицъ изъ Швеціи черезъ Готландію и Россію для посвященія въ епископы въ Швеціи, не имѣютъ значенія при рѣшеніи вопроса: существовалъ ли обычный постоянный путь для паломниковъ изъ Швеціи въ Константинополь черезъ Россію. Такъ, напримѣръ, факиры и ламы пробираются въ Россію изъ Индіи и Тибета, Калмыки ходятъ или ходили изъ Россіи въ Тибетъ, но на этомъ основаніи нельзя утверждать, что существуетъ изъ Россіи въ Тибетъ путь, посѣщаемый поклонниками Далай Ламы. Во всякомъ случаѣ свѣдѣніе о хожденіи изъ Готландіи высшихъ духовныхъ лицъ не относится ни до IX, ни даже до X и едвали до XI столѣтія.

Совсѣмъ другой характеръ представляютъ хожденія Норманновъ по западному морскому пути.—Въ Схоліи 41, по поводу Ричарда или Роберта, умершаго въ Никсѣ, въ 1035 году, говорится о первомъ занятіи Апуліи Норманнами; Cujus socii quadraginta revertentes in Apulia romansisse narrantur et ex illo tempore Nortmanni possederunt Apuliam. Адамъ говоритъ здѣсь о Ричардѣ, отцѣ Роберта и дядѣ Вильгельма завоевателя. Число товарищей Роберта, засѣвшихъ въ Апуліи по возвращеніи изъ Іерусалима, совпадаетъ съ обычнымъ числомъ нашихъ каликъ перехожихъ (Калики перехожіе П. А. Безсоновъ I 21).

Изъ Волынца города, изъ Галича,
Изъ той же Корѣлы изъ богатыя,
Во ту ли пустыню въ Данилову,
Собиралося, собрунялося
Сорокъ каликъ со каликою,
Сорокъ дородныхъ добрыхъ молодцевъ.

Въ пѣсняхъ Кирши Данилова стр. 226:

А изъ пустыни было Ефимьевы
Изъ монастыря изъ Боголюбова
Начинали калики наряжатися
Ко св. граду Іерусалиму—
Сорокъ каликъ со каликою.

Въ пѣсняхъ, собранныхъ Рыбниковымъ (I 237):

Собиралося сорокъ каликъ со каликою
Идти къ славному городу Іерусалиму
Чуднымъ крестамъ поклонитися.

О подобныхъ же походахъ на западѣ, а равно и предпринятыхъ въ большихъ размѣрахъ, сохранилась память лишь въ письменныхъ памятникахъ.

Завоеванія, дѣлаемыя Норманнами мимоходомъ по морскому пути, борьба съ Сарацинами не представляли морскимъ завоевателямъ тѣхъ опасностей, которыя имъ угрожали по пути черезъ Россію.

Адамъ Бременскій (de situ Daniae, ed. Maderi стр. 145) опредѣляетъ малоизвѣстность пути въ Грецію черезъ Россію и указыватетъ на опасность этого пути, объясняющую его недоступность. „Latera illius ponti (Балтійскаго моря) ad Austro Slavi, ab Aquilone Svedi possederunt. Asserunt etiam periti locorum, a Sveonia terrestri via quosdam usque in Graeciam permeasse; sed barbarae

gentes, quae in medio sunt, hoc iter impediunt, propterea navibus tentatur periculum."

Что путь этотъ существовалъ въ VIII, IX, X, предшествующихъ и послѣдующихъ столѣтіяхъ сомнѣваться трудно, даже если бы онъ не былъ описанъ Константиномъ Порфирогенитомъ и Несторомъ. Но изъ этого далеко нельзя выводить, чтобы онъ былъ доступенъ для чужеземныхъ паломниковъ и удобенъ для перевоза чужеземцами товаровъ.

Путь при существованіи вассальныхъ отношеній не представлялъ бы, конечно, затрудненій: опасность для шведскихъ викинговъ пути изъ Швеціи черезъ Россію не вяжется съ скандинавской теоріей о водвореніи шведскаго господства въ Россіи въ лицѣ Рюрика, Игоря, Олега и Святослава съ ихъ стами тысячами Шведскихъ Ruodsi. Даже и эти сто тысячъ Руссовъ, разсѣянныхъ въ Кіевской Россіи, по мнѣнію и по свѣдѣніямъ, имѣвшимся у Константина Порфирогенита, соотвѣтствуютъ нынѣшнему Великорусскому народонаселенію въ малороссійской Руси, опредѣляемой и нынѣ приблизительно въ 200.000 человѣкъ. На сколько силенъ былъ отпоръ въ Россіи противъ внѣшнихъ враговъ, можно судить по походу Болеслава противъ Кіева въ союзѣ съ Нѣмцами и Печенѣгами и въ добавокъ при сочувствіи Кіевлянъ къ Святополку.

Изъ лѣтописи нашей видно, на сколько положеніе Варяжскихъ дружинъ было не надежно въ Новгородѣ даже при покровительствѣ Ярослава. Удаленіе варяжскихъ полковъ Владиміромъ въ предѣлы Греческой имперіи также не связывается съ системой о господствѣ иноземной дружины. Въ случаѣ, если бы дѣйствительно въ эту эпоху вся военная сила въ Кіевской Руси заключалась въ иноземныхъ дружинахъ, то они могли быть великорусскія, литовскія, вендскія, разноплеменныя; положительно нѣтъ никакого основанія предполагать, что они были исключительно скандинавскія. Составъ Варяжскихъ дружинъ не имѣлъ опредѣленной національности.—Скандинавская шко-

ла признавала въ теченіе ста лѣтъ Коканскихъ Фергановъ Константина Порфирогенита за истыхъ Шведовъ.

Варяжскіе наемники въ Россіи какъ и во всей остальной Европѣ были или наемныя на время дружины, переходившія съ мѣста на мѣсто или осѣдлые leti, получавшіе земли съ обязательствомъ защищать окраины. Эти военныя поселенія называются въ нашихъ пѣсняхъ „Литвами" совершенно въ томъ же значеніи какъ и орды. Литвы обозначаютъ военныя западныя племена, а орды—восточныя. Устройство этихъ военныхъ поселеній весьма понятно при существованіи древнихъ торговыхъ городовъ, не желавшихъ сами нести военной службы и опасавшихся давать оружіе мѣстному народонаселенію.

Русскіе князья отъ Рюрика до Ярослава хотя и были представители земскихъ интересовъ, необходимо должны были опираться на элементъ организированный, иноземный, варяжскій, съ коимъ они находились въ близкихъ служебныхъ, торговыхъ и родственныхъ связяхъ. Этотъ элементъ окружалъ ихъ и способствовалъ посредствомъ городищъ сохранять миръ между торговыми городами и сельскимъ народонаселеніемъ.

Здѣсь невольно припоминается состязаніе Волхва Всеславича, представителя новгородскаго элемента и Микулы Селяниновича, представителя земскаго. Самое имя Рюрикъ, весьма можетъ быть, есть не что иное какъ послѣдствіе общаго употребленія въ IX столѣтіи Латинскаго языка. Ruricus значитъ деревенскій отъ rus, ruris. Имя Рюрика встрѣчается и въ римскихъ писателяхъ между военными людьми. Баснѣ о Волхвѣ Всеславичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ разсказывается и въ французской легендѣ о Карлѣ Великомъ и Гугонѣ царѣ Константинопольскомъ, котораго Карлъ Великій застаетъ за золотымъ плугомъ. Объ этой легендѣ придется далѣе говорить обстоятельно, такъ какъ она находится въ прямой связи съ исторіей западнаго на-

ломничества. Морской путь къ Святымъ мѣстамъ назывался путемъ Карла Великаго.

Изъ именъ пословъ Русскихъ князей и городовъ, принимавшихъ участіе въ договорахъ съ Греками, нельзя заключить, чтобы послы эти были Англо-Саксонскаго, Норренскаго, Литовскаго или Вендскаго племени. Съ IX-го столѣтія на Балтійскомъ морѣ необходимо преобладалъ оттѣнокъ англо-саксонскій, норренскій, и франкскій въ слѣдствіе побѣдъ Карла Великаго и распространенія Латинской церкви по берегамъ Балтійскаго моря. Весьма замѣтно смѣшеніе Шведовъ и преимущественно Датчанъ съ Балтійскими Вендами и Руссами.

Olaus Magnus (Hist. de gent. Septentrionalium Basileae. 1567. стр. 644 и слѣд.) съ ссылкой на Іоанна Магнуса (L. II. in vita Botuildi) упоминаетъ о нападеніи на Швецію Датчанъ въ союзѣ съ Руссами: Si quidem dum Danis ab occidua regni parte resistere parat, Ruteni Danis confoederati ab oriente in saccos impetum facientes, non solum infelici Regi (Botuildo), sed toto regno negocium difficile et periculosum effecerunt. Botuildus былъ тридцатымъ королемъ Шведскимъ и Готскимъ со времени перваго короля Магога. Іоаннъ Магнусъ въ осьмой книгѣ крайне деликатно говоритъ о побѣдѣ семьдесятъ восьмаго короля Остана надъ Русскими: совокупивъ воиновъ изо всѣхъ частей государства и съ трудомъ побѣдивъ Русскихъ, онъ склонилъ ихъ къ платежу подати не столько силой оружія, сколько славой благодушія своего.

Какъ бы ни были заподозриваемы свѣдѣнія, сообщаемыя шведскими историками о столь отдаленныхъ временахъ, весьма важно воззрѣніе таковыхъ людей, какъ Іоаннъ и Олафъ Магнусы, на взаимныя отношенія Швеціи, Даніи, и Россіи, и ни въ какомъ случаѣ невозможно отрицать, чтобъ оба брата менѣе знакомы были съ источниками, чѣмъ вся критическая европейская школа въ теченіе всего послѣдняго и текущаго столѣтія. У Олая Магнуса—масса лю-

большихъ и положительныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, не исключая и Россіи.

Владычество Шведовъ, Датчанъ и Руссовъ надъ племенами Литовскими и Финскими было долго весьма спорнымъ. На южномъ берегу Балтійскаго племени съ начала IX столѣтія положеніе Славянскаго, Русскаго и Прусскаго племени было постоянно стѣсняемо до совершеннаго раззоренія поморскихъ Вендскихъ городовъ въ XII столѣтіи и заселенія его выходцами изъ Германіи съ заявленной цѣлію удержать владычество за Германскимъ племенемъ, заселивъ Нѣмцами въ конецъ опустошенные славянскіе города.

Самое удаленіе Русскаго племени съ острова Рюгена и Балтійскаго поморья на Ладогу и Ильмень едва ли что другое какъ отступленіе. Съ Ладоги Рюрикъ переходитъ на Ильмень, а положеніе его и преемниковъ его въ Новгородѣ всегда было весьма шаткимъ. Уже Олегъ переходитъ въ Кіевъ, гдѣ въ теченіе двухъ столѣтій Русское племя владѣетъ Кіевской Россіей, но въ половинѣ XII столѣтія обнаруживается потребность удалиться въ Суздаль, откуда русскій элементъ начинаетъ снова распространять свое вліяніе на Новгородъ. Русское племя усиливается и находитъ твердую точку опоры лишь въ Суздалѣ и Москвѣ, т. е. въ самой средѣ Великорусскаго племени, не найдя его ни въ Кіевѣ, ни въ разноплеменномъ Новгородѣ. Москва крѣпнетъ и подчиняетъ себѣ всѣхъ Русскихъ удѣльныхъ князей во время Татарскаго ига, не смотря на то, что Новгородъ былъ вполнѣ обезпеченъ своимъ положеніемъ отъ нахожденія Татаръ.

Въ первоначальной Руси мы видимъ три центра тяготѣнія: Новгородъ, Кіевъ и Суздаль и ни одинъ изъ этихъ трехъ центровъ не оставляетъ слѣдовъ скандинавскаго элемента. Воспоминанія о дѣятельности заморской Руси въ Новгородѣ и Кіевѣ живо сохраняются въ средѣ Великорусской. Объ отсутствіи всякаго слѣда Скандинавскаго господства въ Московской приволжской Руси не можетъ быть

и сомнѣнія. Въ Кіевской Руси мнимое скандинавское господство не оставило слѣдовъ даже въ пѣсняхъ, а господство Русскихъ князей въ Кіевѣ ярко отражается въ русской народной эпопеѣ, и весьма смутно въ скандинавскихъ сагахъ. Въ сагахъ скандинавскіе витязи ищутъ убѣжища въ Кіевѣ, являются туда въ качествѣ наемниковъ или совершаютъ на берегахъ хищническіе набѣги. Въ то же время космополитный Новгородъ расширялъ свое господство путемъ торговли и колоній и находился въ постоянной борьбѣ противъ Шведовъ и Нѣмцевъ не смотря на свое отчужденіе отъ остальной Россіи.

Въ Эгильсагѣ расказывается, какъ исландскій скальдъ Эгиль отправился съ товарищемъ Торольфомъ повикинствовать въ Курляндіи. Онъ былъ захваченъ, но убѣжалъ изъ плѣна съ нѣсколькими плѣнными Датчанами; обворовавъ хозяевъ, онъ бѣжалъ къ своему кораблю. По дорогѣ ему пришла мысль, что его подвигъ болѣе похожъ на воровство, чѣмъ на викингство. Онъ вернулся, поджегъ строеніе, гдѣ хозяева бражничали и закричавъ людямъ—кто онъ таковъ, предалъ все огню и мечу. Сага эта по содержанію относится ко времени съ конца IX по конецъ X столѣтія. Редакція принадлежитъ по нѣкоторымъ признакамъ XII столѣтію. Нѣкоторые пергаменные отрывки этой саги принадлежатъ началу XIV вѣка.

Организованное вторженіе Шведовъ и Германцевъ въ земли финскія и литовскія на Восточномъ берегу Балтійскаго моря принадлежитъ концу XII столѣтія,—эпохи русскихъ междоусобій и идетъ рука объ руку съ торжествомъ Татаръ въ Россіи.

Одна изъ причинъ недоумѣнія, тяготѣющаго надъ вопросомъ о происхожденіи Руси, кроется въ странномъ пониманіи выраженія, употребленнаго древнимъ Русскимъ лѣтописцемъ „изъ-за моря,“ произвольно ограничивая это крайне неопредѣленное указаніе Шведскимъ берегомъ. Софійская лѣтопись представляетъ два примѣра, какъ понимали

въ древней Россіи выраженія: „заморскіе города“ и „заморье:“ „Въ лѣто 1476 приходили къ Великому князю Ивану Васильевичу послы отъ Ганзеотическихъ городовъ: такожe и отъ князя Магистра посолъ бысть къ Великому князю и отъ всея земли Ливонскіе и отъ семидесяти городовъ Заморскихъ о томъ же бити челомъ, чтобы пожаловалъ князь Великій гостей Нѣмецкихъ, отпустилъ и велѣлъ бы съѣзду быти о управахъ земскихъ на рѣцѣ на Неровѣ, на островѣ.“ (Софійскій Временникъ. Изд. П. Строевымъ. II, 248.)

Выраженіе „Заморіе“ такъ неопредѣленно, что оно въ нашихъ лѣтописяхъ употреблялось и для обозначенія Италіи: въ лѣто ЗГI Ноября пріидоша послы великого князя на Москву, Олексѣй Заболоцкой изъ Крыму, Дмитрей Ларевъ и Митрофанъ Корочаровъ изъ Заморіа, и приведоша съ собою многихъ мастеровъ серебряныхъ и пушечниковъ и стѣнныхъ. (Тамъ же стр. 272, подъ г. 1505.)

Объ этихъ послахъ подъ годомъ 1499 сказано: того же мѣсяца (марта) послалъ князь Великии посольствомъ Дмитрея Иванова сына Ларева Грека да Митрофана Ѳедорова сына Корочарова за море до Италійскихъ странъ о своихъ потребахъ; да съ ними же вмѣстѣ послалъ Михаила Погожого посольствомъ въ Краковъ, къ Ольбрехту, королю Польскому, что бы далъ путь посломъ Великаго князя черезъ свою землю Лядскую; а изъ Кракова поидошла послы къ Угорскому королю Владиславу, а оттолѣ въ Венецію“ (тамъ же стр. 261.). Такимъ образомъ заморьемъ названъ Югъ Европы, имѣя въ виду континентальный путь черезъ Краковъ.

Что заморскіе пришельцы постоянно стремились въ Россію, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію.—Вся славянская колонизація Россіи шла съ Юго-Запада, съ Адріатическаго моря, Карпатовъ и Эльбы; это движеніе выражено въ древней Славянской легендѣ о братьяхъ Русѣ, Чехѣ и Лехѣ.

По весьма достовѣрному свидѣтельству Дитмара Мерзебургскаго подъ годомъ 1018: „въ Кіевѣ или Китавѣ, главномъ городѣ въ Россіи, находилось болѣе четырехсотъ церквей и восемь рынковъ. Жители же города и всей страны, число коихъ нельзя опредѣлить, составляющіе гнѣздо бѣглыхъ рабовъ, стекающихся туда со всѣхъ сторонъ и въ особенности изъ бѣгуновъ Датчанъ, до сихъ поръ постоянно давали отпоръ часто на нихъ нападавшимъ Печенѣгамъ и побѣждали другихъ враговъ.“ Таковъ характеръ всей страны отъ Карпатскихъ до Кавказкихъ горъ надъ Чернымъ моремъ въ теченіе многихъ столѣтій до водворенія Русскихъ великихъ князей въ Кіевѣ, и послѣ ихъ удаленія въ Суздаль. — Весь Новороссійскій край еще въ весьма недавнее время представлялъ тотъ же самый характеръ.

Цѣлое сословіе ходуновъ, бурлаковъ необходимо должно существовать на подобныхъ торговыхъ путяхъ, какъ наши судоходныя рѣки.—Вопросъ заключается въ томъ, есть ли какое историческое или даже логическое основаніе, чтобы это сословіе принадлежало какой либо отдѣльной и замкнутой чужеземной національности.—Историческихъ свидѣтельствъ на существованіе какой либо отдѣльной національности положительно нѣтъ; а самая суть дѣла говоритъ, что эти дромиты были на всемъ пути у себя дома и въ ближайшихъ родственныхъ и дружескихъ сношеніяхъ съ племенами, расположенными по всѣмъ путямъ среди Россіи.

Имя Dani и Daci далеко неопредѣленно въ средневѣковыхъ памятникахъ ни въ этнографическомъ, ни даже въ географическомъ отношеніи, потому что самые строгіе критики постоянно придерживались того мнѣнія, что подъ именемъ Dani, Daci и Danai въ памятникахъ XI столѣтія обозначаютъ племена при-Дунайскія. Если и принять, что имя Дановъ и Даковъ, перешедшее на Данію, обозначало Сѣверныхъ пиратовъ, то и въ этомъ случаѣ на корабляхъ,

отправлявшихся съ Сѣвера въ Средиземное море, преобладалъ славянскій, ободритскій, лютитскій элементъ. Весьма можетъ быть, что и Варяги суть не что иное, какъ норренское выраженіе, соотвѣтствующее славянскому имени одного изъ самыхъ воинственныхъ племенъ, Славянскимъ Вильцамъ. Оспариваемое, впрочемъ, тождество имени Варяжскаго съ Ворецкимъ едва ли позволяетъ исключительно предполагать норренскую этимологію отъ wara волкъ.

Въ Новгородѣ Варяжская улица называлась также Ворецкой; предположеніе, что названіе Балтійскаго моря Ворецкимъ не имѣетъ ничего общаго съ названіемъ Варяжскимъ, устраняется употребленіемъ обѣихъ формъ въ Новгородѣ относительно одной и той же улицы.

Противъ славянскаго, пиратскаго элемента вооружалась германская и скандинавская народность. Съ начала IX столѣтія германскій элементъ до конца XII столѣтія борется противъ морскихъ разбойниковъ Славянъ и наконецъ уничтожаетъ Славянскіе, Вендскіе города.—Въ концѣ XII столѣтія, по свидѣтельству Саксо Грамматика, стр. 687, учреждается въ Роскильдѣ церковно-военное общество, называемое имъ „piratica“ для противудѣйствія славянскимъ пиратамъ; этотъ союзъ сильно помогаетъ королю Вольдемару Великому противу Вендовъ. Въ этомъ охранительномъ обществѣ, коего правила излагаетъ Саксо, участвовали въ значительномъ числѣ жители Зеландіи.

Эти пираты были выходцы изъ Россіи, какъ ясно видно изъ названія Austrweg, которымъ обозначался восточный путь, т. е. вся Россія отъ Балтійскаго моря до Чернаго и даже со включеніемъ Геллеспонта; въ изданіяхъ Сагъ Austrweg переводится partes orientales. Въ нихъ выражено весьма опредѣленно, кто были пираты: Куры и другіе Восточные люди (Antiquites Russes. Copenhagne. 1852. T. II. p. 129). Въ Knytlingasaga: въ § 29

Kurir auk adrir Austrvegsmenn.

Эти слова переведены въ видѣ исключенія, нелишеннаго тенденціозности: „Kurlandis et alii maris Baltici accolis,“ подъ Austrvegsmenn, весьма могли подразумѣваться и новгородскіе молодцы

Здѣсь приводится нѣсколько выписокъ изъ Сагъ, такъ какъ онѣ въ совокупности своей представляютъ довольно ясный очеркъ взаимныхъ отношеній Скандинавскихъ Норреновъ и Новгородскихъ Руссовъ.

Самая выдающаяся фигура въ исторіи Сѣвера—Олафъ, сынъ Тригвы и Астриды, воспитывается при дворѣ Владиміра и снабжается имъ людьми и кораблями для отыскиванія прежнихъ владѣній Новгорода. Въ 963 году Астрида, беременная Олафомъ, уходитъ вслѣдствіе междоусобія и убійства ея мужа въ Швецію. Захваченный пиратами Олафъ проводитъ дѣтство свое въ рабствѣ въ Эстляндіи. Выкупленный Сигфридомъ, братомъ Астриды, Олафъ воспитывается при дворѣ Владиміра. „Говорятъ, что Олафъ, Триггвіевъ „сынъ, будучи 12 лѣтъ отъ роду, просилъ своего воспи„тателя дать ему военныя суда и войско. Какъ скоро ко„нунгъ согласился на это, то онъ приготовилъ свои суда „и войско и прежде нежели пустился въ путь, спросилъ „у конунга, нѣтъ ли какихъ городовъ, областей, которые „бы прежде находились подъ управленіемъ конунга Гар„довъ, а теперь исторглись изъ-подъ власти его. Конунгъ „сказалъ, что многія и большія государства долго находились подъ властью Холмгарда, но теперь взяли ихъ подъ „свою власть другіе правители и воинственные люди силою „и оружіемъ. Послѣ того, какъ конунгъ разсказалъ это „Олафу со всею отчетливостью, Олафъ въ первый разъ вы„велъ свои военныя суда изъ земли Гардовъ; онъ имѣлъ „хотя небольшое, но прекрасное войско. Въ то время, былъ „обычай у витязей, что сыновья конунговъ между ними, „начиная рядить войскомъ, были называемы конунгами, „хотя они и не рядили еще областями; поэтому воины да-

„ли Олафу имя конунга. Вскорѣ оказалось, какія хорошія „способности имѣлъ онъ для управленія войскомъ, хотя „былъ молодъ лѣтами, ибо онъ изъ тѣхъ владѣтелей, ко„торые несправедливо и разбойнически утвердились въ об„ластяхъ, платившихъ дань конунгу Валдамару, однихъ „онъ убилъ, а другихъ выгналъ вонъ; онъ имѣлъ „противъ нихъ многія битвы, во всѣхъ остался побѣди„телемъ и въ первое лѣто возвратилъ тѣ государства и „области, которыя вышли—было изъ-подъ власти конунга „Валдамара. Осенью прибылъ онъ въ Холмгардъ и под„несъ конунгу и его супругѣ многія и рѣдкія драгоцѣн„пости, состоявшія въ золотѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ „и великолѣпныхъ одеждахъ; конунгъ, супруга его и весь „народъ приняли его съ радостью и ласками. Такъ про„текло нѣсколько времени; лѣтомъ Олафъ находился въ „военныхъ походахъ и защищалъ мужественно и храбро „Гардарикію отъ витязей, дѣлавшихъ на нее нападенія, и „покорилъ подъ властъ конунга Валдамара многія крѣпо„сти и провинціи въ Остюрвейгѣ. Зимою очень часто про„живалъ онъ въ Холмгардѣ, будучи уважаемъ конунгомъ „и любимъ его супругою. Въ это время, онъ самъ содер„жалъ большой полкъ на своемъ иждивеніи, которое да„валъ ему конунгъ, и такъ какъ онъ былъ щедръ на „деньги для своихъ воиновъ, то онъ былъ вообще любимъ „ими. Въ это же время случилось, какъ это часто слу„чается, когда иностранцы достигли высокой степени мо„гущества или великой знаменитости, предпочитаются ту„земцамъ, что многіе начали завидовать Олафу въ томъ, „что онъ былъ въ любви у конунга и не менѣе—у су„пруги конунга. Они говорили конунгу, чтобъ онъ не воз„вышалъ такъ много Олафа, потому—говорили они—что „человѣкъ подобнаго рода весьма опасенъ, если онъ возь„метъ себѣ въ голову сдѣлать вредъ тебѣ или твоему го„сударству, особенно, когда онъ превосходитъ другихъ въ „искусствахъ, мужествѣ и силѣ; мы не знаемъ еще, о

„чемъ у него идутъ непрерывные разговоры съ твоею су-„пругою. У сильнѣйшихъ конунговъ того времени былъ обы-„чай, что супруга конунга имѣла половину гридней, содер-„жала ихъ на своемъ иждивенiи и получала на то казну „и все, что нужно было. Такъ было и у конунга Валда-„мара: супруга его имѣла не менѣе гридней какъ и самъ онъ, и они очень спорили между собою объ отличныхъ „людяхъ, ибо тотъ и другая хотѣли имѣть ихъ въ своей „службѣ. Теперь случилось такъ, что конунгъ повѣрилъ „совѣтамъ тѣхъ, которые клеветали на Олафа. Конунгъ „сдѣлался нѣсколько суровъ и скрытенъ предъ нимъ, а „Олафъ, замѣтивъ это, открылъ все супругѣ конунга, ска-„завъ притомъ, что онъ хочетъ отправиться въ Сѣверныя „страны, такъ какъ его родственники имѣли тамъ прежде „государство; мнѣ представляется, продолжалъ онъ, весьма „вѣроятнымъ, что мое мужество будетъ имѣть тамъ счаст-„ливый удѣлъ. Супруга конунга пожелала ему счастливаго „пути и сказала, что онъ, гдѣ ни будетъ, останется благо-„роднымъ."

Разсказъ этотъ объ отношенiяхъ Олафа къ Владимiру и его женѣ и о данныхъ симъ послѣднимъ судахъ и людяхъ Олафу говоритъ самъ за себя объ отношенiяхъ Скандинавовъ къ Россiи въ X столѣтiи. Олафъ, изгнанникъ и иностранецъ при дворѣ Русскаго князя, прямо указываетъ, что въ Россiи не господствовала ни норвежская, ни шведская династiя. Разсказъ этотъ въ переводѣ Сабинина (Сборникъ классич. иностран. произв. Чудинова Т. I. Образ. произв. Сканд. поэзiи. Воронежъ 1875.) заимствованъ изъ саги Олафа, написанной на Латинскомъ языкѣ монахомъ Гуннлаугомъ Лейфзономъ, умершимъ въ 1218 году. Латинскiй оригиналъ не существуетъ; сохранился норренскiй переводъ, приписываемый священнику Styrmer hinn Frodi, умершему въ 1245 году, ему же приписывается переводъ и другой утраченной латинской Саги объ Олафѣ, составленной монахомъ Оддръ Снорразономъ

въ XII столѣтіи. Древнія пѣсни скальдовъ объ Олафѣ приводятся въ жизнеописаніи монаха Гуннлауга и въ Flateyarbok. Извлеченія изъ обѣихъ сагъ помѣщены въ первомъ томѣ Копенгагенскаго Сборника, Antiquités Russes.

Восемнадцати лѣтъ Олафъ женится на владѣтельницѣ приморскаго города, вдовѣ Гейрѣ, дочери Вендскаго князя Бурислава. Въ этотъ періодъ его жизни, говоритъ весьма не точно Riant, Олафъ завладѣлъ Борнгольмомъ и постоянно нападалъ на берега Даніи. О походѣ на Борнгольмъ говорится до прибытія его въ Вендскій городъ. Олафъ отправился изъ Россіи на корабляхъ и съ людьми жены Володиміровой, послѣ ссоры съ Владиміромъ, по навѣту приближенныхъ Великаго князя. Въ Сагѣ Гуннлауга весьма опредѣленно сказано, что Олафъ присталъ къ Вендскому берегу послѣ нападенія на Борнгольмъ. Этотъ пунктъ важенъ, какъ опредѣляющій, съ помощію какой силы началъ Олафъ свои дѣйствія на Балтійскомъ морѣ. Въ 986 году, послѣ смерти жены, онъ уходитъ на Нѣмецкое море и направляетъ свои нападенія па Англію, на которую имѣлъ претензію въ качествѣ праправнука Гаральда Гарфагра, на что онъ намѣкалъ, при отъѣздѣ изъ Россіи, женѣ Владиміра, сказавшей ему на это, что все, что онъ сдѣлаетъ, сдѣлано будетъ благородно. Олафъ жегъ Англосаксонскіе города и бралъ съ нихъ дань, между коими и съ Лондона и заключилъ миръ съ Этельредомъ въ 994 году. (Worsaae. Danske Erobring af England 1863. Riant 104).

Отношенія Олафа къ Россіи ясны; не менѣе ясно и то, что базисъ его дѣйствій на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ было славянское побережье. Олафъ по легендѣ, передаваемой Гуннлаугомъ, ходилъ изъ Россіи въ Константинополь, откуда онъ привелъ епископа Павла, крестившаго Владиміра.—Такимъ образомъ самое выдающееся лицо въ исторіи Скандинавскаго сѣвера конца X-го столѣтія и на-

чала XI-го проходитъ незамѣченнымъ въ лѣтописи Кіевской. Олафъ можетъ въ нашей исторіи занять мѣсто лишь въ числѣ христіанскихъ безъименныхъ собесѣдниковъ Владиміра изъ числа тѣхъ многихъ Варягоруссовъ христіанъ, жившихъ въ Кіевѣ, по свидѣтельству нашей Лѣтописи, и христіанъ Словено-руссовъ, жившихъ на Балтійскомъ морѣ, по свидѣтельству Германскихъ лѣтописцевъ. Впрочемъ Сага Гуннлауга называетъ Олафа Норреномъ и упоминаетъ о непріятномъ положеніи Олафа при дворѣ Русскаго князя какъ иностранца.

Разговоръ Владиміра съ греческимъ проповѣдникомъ, передаваемый Гуннлаугомъ, вполнѣ заслуживаетъ вниманіе: „Hoc tempore episcopus Paulus fiducia regis Olavi e Graecia venit, atque regem Waldamarem et Reginam Allogiam, atque totum eorum populum baptizavit et in sancta fide stabilivit. Далѣе Гуннлаугъ, ссылаясь на предъидущія слова, поясняетъ, что это извѣстіе о вліяніи Олафа на крещеніе Владиміра подтверждается весьма опредѣлительно книгой „Imago mundi“, въ коей сказано, что Rusci, Polavi, Ungarii, съ варіянтами: Rucii, Polamii и Rutho kolani, были обращены въ христіанство во дни императора Оттона III. Олафъ Тригвазонъ сопровождалъ Оттона въ походѣ на Austrweg и въ это время во многихъ мѣстахъ народъ былъ обращенъ въ христіанство (Ant. Russes T. 1. p. 408). Въ виду полемики, возбужденной скандинавской теоріей, не лишне замѣтить, что Исландецъ, Бенедиктинскій аббатъ Гуннлаугъ отождествляетъ Руссовъ прибалтійскихъ съ Руссами кіевскими. Кромѣ справки въ Космографія упоминаемой Гуннлаугомъ онъ справлялся по видимому и съ Русскимъ лѣтописцемъ. Фактъ этотъ весьма важный при изслѣдованіи взаимнаго отношенія Сагъ и нашихъ Лѣтописей. Составитель легенды, упоминая о приведенномъ Олафомъ епископѣ Павлѣ, крестившемъ Владиміра, очевидно введенъ былъ въ заблужденіе нашимъ лѣтописцемъ, приводящимъ слова учителя Павла на вопросъ Вла-

диміра о пищѣ:“ Аще ястъ кто и піетъ, то все въ славу Божію, рече учитель нашъ Павелъ.“

Составитель Саги не понялъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ Апостолѣ и принялъ „учителя Павла“ за епископа Павла, упустивъ изъ виду, что „учитель Павелъ“ упоминается по поводу приводимыхъ словъ изъ перваго посланія къ Коринфянамъ (X. 31.: аще убо ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся въ славу Божію творите.—Вопросъ Владиміра, обращенный къ нѣмецкимъ учителямъ, между коими по легендамъ норренскимъ находился и Олафъ Тригвазонъ, имѣетъ весьма важное значеніе.—Слова Св. Апостола въ связи съ предъидущими его словами въ той же главѣ 25: Все, еже на торжищѣ продаемое ядите, ничтоже сумнящеся за совѣсть,—опредѣляютъ значеніе приводимыхъ словъ лѣтописцемъ. Слова Апостола Павла должны были произвести на язычника Владиміра тоже впечатлѣніе, которое ощущали и древніе Русскіе христіане при мысли объ употребленіи пищи или питья приготовленнаго иновѣрными. Русскіе старовѣры признаютъ даже и нынѣ свои сосуды оскверненными по употребленіи иновѣрными.—Вообще Русскій народъ и доселѣ признаетъ многія мяса нечистыми согласно съ закономъ Моисеевымъ, даже телятина считалась пищей запрещенной, какъ видно изъ упрековъ, дѣлаемыхъ въ Москвѣ Лжедимитрію. Въ исчисленіи нашими пастырями сохранившихся въ Россіи неприличныхъ христіанамъ языческихъ обычаевъ объ употребленіи конины въ пищу не упоминается. Варяго-Руссы, судя по Святославу, употребляли въ пищу конину; Литовцы и Шведы, по принятіи христіанства, долго употребляли въ пищу конину и духовенство въ Швеціи долго возставало противъ этого обычая. Это сопоставленіе указываетъ, какъ были вѣрны свѣдѣнія, заносимыя въ лѣтопись ея первымъ составителемъ.

Весьма очевидно, что звѣрина, конина и грядина упоминаются въ лѣтописи какъ пища необычная и ха-

рактеризующая походную жизнь Святослава. Грядина обозначаетъ, кажется, вообще грубое мясо, а грудиной на московскомъ рынкѣ называется свиное мясо.—Существовали-ли какія запрещенія относительно пищи у Русскихъ язычниковъ, намъ неизвѣстно; у Гетовъ, по свидѣтельству Страбона, воспрещалось вообще мясо. Русскіе люди употребляютъ и нынѣ весьма мало мяса въ пищу. Константинъ Порфирогенитъ говоритъ, что Русскіе мало занимаются скотоводствомъ и въ случаѣ надобности покупаютъ скотъ у кочевниковъ. Кромѣ дозволенной конины могли существовать для язычника Владиміра и другія запрещенія относительно пищи, но и этого разногласія между Шведами христіанами и Русскими язычниками достаточно было, чтобы возбудить нежеланіе Владиміра принять христіанство отъ Латинянъ Варяговъ, не смотря на близкія и несомнѣнныя его сношенія съ латинскимъ населеніемъ Балтійскаго поморья. Относительно пищи между Руссами язычниками и Греками христіанами по видимому существовало большее согласіе, чѣмъ съ христіанами Скандинавскими. Одного этого намека достаточно, чтобы указать, какъ мало Варяго-Руссы и Варяги-Норрены были одно и тоже племя или одно и тоже общество.

Древляне, Радимичи, Вятичи и Сѣверяне ѣли по нашей Лѣтописи все нечистое, а Половцы кромѣ того ѣли и мертвечину.—О Брахманахъ и обитателяхъ острововъ приводятся свѣдѣнія по Лѣтописи Георгія Амартола, что они воздерживались отъ мясной пищи и отъ вина. О пищѣ благонравныхъ Полянъ въ нашей Лѣтописи ничего не сказано и потому самому можно быть увѣрену, что пища, употреблявшаяся Русскими язычниками, согласовалась или съ закономъ Брахмановъ и Гетовъ, или съ предписаніями, находящимися въ Пятикнижіи.

Кромѣ всего вышеизложеннаго мѣсто это въ нашей Лѣтописи важно еще и тѣмъ, что оно указываетъ, на сколько сообщаемыя свѣдѣнія взяты изъ дѣйствительности, а не

литературные вымыслы. Въ этомъ мѣстѣ весьма замѣтно, что лѣтописецъ передаетъ бесѣду Владиміра съ Нѣмцами съ крайнею сдержанностію. Изъ приводимыхъ имъ словъ Апостола едва замѣтно, что нѣмецкій миссіонеръ отвѣчаетъ Владиміру, что пощеніе обязательно, но что касательно чистоты пищи слѣдуетъ руководствоваться гражданскими законами, относящимися до съѣстныхъ припасовъ, продаваемыхъ на рынкѣ. Слова эти вѣроятно смущали древняго Русса, смотрѣвшаго совсѣмъ другими глазами на чистую и нечистую пищу. Подобное отношеніе обнаруживается и между Буддистами и Браминами. Samuel Turner говоритъ, что онъ „пилъ чай изъ той же чаши, что и верховный Лама; онъ не замѣчалъ также при многочисленныхъ пріемахъ, бывшихъ въ резиденціи верховнаго Ламы, чтобы кто либо смущался ѣсть или пить приготовленное служителями англійскаго посольства. У Индусовъ, на оборотъ, ограниченія относительно пищи весьма строги. Браминъ не только не станетъ ѣсть за однимъ столомъ съ иновѣрнымъ или съ человѣкомъ, принадлежащимъ другой кастѣ, но даже считаетъ грѣхомъ ѣсть въ ихъ присутствіи. Набожный Индусъ рѣшится скорѣе умреть съ голоду, чѣмъ не соблюсти закона.“

Англійскій капитанъ Самуилъ Turner посѣтилъ Тибетъ въ 1783 году въ качествѣ посланника по случаю извѣстія, полученнаго губернаторомъ Индіи Варренъ-Гастингсомъ о переходѣ души Далай Ламы въ тѣло другаго новорожденнаго ребенка. Въ предисловіи къ своему описанію путешествія и пребыванія при дворѣ Ламы (An account of an Embassy etc., Лондонъ. 1800, in IV, 471 стр. съ рисунками. Извлеченія въ переводѣ на Фран. языкъ въ Biblioth. Britannique, Geneve. an VIII et IX. T XV et XVI.) Англійскій агентъ говоритъ, что до 1774 года онъ не полагаетъ, чтобы было какое либо прямое сообщеніе изъ Бенгала въ Тибетъ, такъ какъ правительство Бутана не допускало въ свои владѣнія бенгальскихъ торговцевъ, хо-

тя ежегодно изъ Бутана отправляли караванъ въ Ragpore, но индѣйскіе факиры, замѣчаетъ Turner, всегда проникали въ Тибетъ. Первое посольство изъ Тибета къ Варренъ Гастингсу прибыло въ 1775 году, по поводу занятія Англичанами нѣсколькихъ мѣстностей, принадлежащихъ къ владѣніямъ Бутанскаго Раи, обратившагося къ Tesho Lama, бывшему въ то время Регентомъ по случаю малолѣтства Далай Ламы.—Tesho Lama отправилъ къ Варренъ Гастингсу посольство съ письмомъ въ 1775 году. При этомъ посольствѣ состоялъ индустанскій Факиръ Poorungheer Gosein, человѣкъ весьма разумный и ученый, сопровождавшій въ 1779 году Далай Ламу въ Пекинъ. Путешествіе этого Факира издано было въ Лондонѣ.

Варренъ Гастингсъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы послать къ Регенту Tesho Ламѣ посольство, во главѣ коего былъ назначенъ Georges Bogle. Bogle отправился съ подарками и пробылъ шесть мѣсяцевъ въ тогдашней резиденціи Ламы Desherigpgay. Англійскій посолъ успѣлъ внушить такое довѣріе, что Лама вручилъ ему значительныя суммы для постройки храма и жилаго строенія для тибетскихъ пилигримовъ на Гангѣ въ Бенгалѣ, странѣ особенно любимой Ламой, такъ какъ онъ дважды въ оной возрождался.

Между подарками, присланными Варенъ-Гастингсу въ 1775 году находились золоченые кожанные листы съ клеймами, изображающими русскаго чернаго Орла.

Samuel Turner разсказываетъ, что во время его посольства въ Тибетѣ Регентъ и оберъ-шенкъ сообщали ему нѣкоторыя свѣдѣнія о Русскомъ правительствѣ. Имъ извѣстна была слава царствующій Императрицы, обширность ея владѣнія и торговля Россіи съ Китаемъ через Камчатку. Они говорили, что имъ дѣлаемы были предложенія для устройства прямыхъ торговыхъ сношеній, но они уклонились по ихъ нежеланію устраивать новыя сношенія и изъ страха ревнивой бдительности Китайцевъ. Англійскому аген-

ту сообщали также, что русскіе купцы доходятъ иногда до резиденціи Таранаутъ Ламы, Кхарки, на границѣ Сибири. Въ этомъ мѣстѣ они имѣютъ агентовъ для довольно распространенной торговли преимущественно мѣхами. Этотъ же агентъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ въ Калькутѣ въ 1783 индѣйскаго Госейна, исходившаго въ теченіи 12 лѣтъ, не садясь и не ложась, Индѣйскій полуостровъ, ходившаго въ Бассору и Константинополь, исходившаго Персію, гдѣ и выучился весьма порядочно говорить по персидски. Этотъ Госейнъ ходилъ по Россіи, былъ въ Москвѣ и прошелъ по самымъ сѣвернымъ странамъ и вернулся въ Калькуту черезъ Сибирь и Пекинъ. Въ Калькутѣ онъ носилъ халатъ подаренный ему Темо Ламой и разъѣзжалъ верхомъ на пѣгой лошади, выведенной имъ изъ Бутана въ сопровожденіи двухъ Госсейновъ, помогавшихъ ему садиться и слѣзать съ лошади, чего онъ не могъ дѣлать безъ ихъ помощи, такъ какъ онъ безпрерывно держалъ свои высушенныя руки поднятыми надъ головой.—Онъ увѣрялъ, что по окончаніи своего обѣта, на слѣдующій же годъ онъ возвратитъ своимъ рукамъ прежнюю жизнь. Отъ индѣйскаго ходебщика, безслѣдно исходившаго Россію въ концѣ прошлаго столѣтія, возвратимся къ таинственному ходебщику XI столѣтія.

Конецъ политической жизни Олафа на Сѣверѣ весьма знаменателенъ. 9 сентября въ 1000 году Олафъ погибъ или пропалъ безъ вѣсти въ морскомъ сраженіи противъ короля Датскаго и Шведскаго, соединившихся противъ Олафа вслѣдствіе происковъ оскорбленной Сигфриды, вдовы Шведскаго короля Ерика, вышедшей за Датскаго короля Свейна. Въ это время Олафъ женатъ былъ на сестрѣ Датскаго короля Свейна, Тирѣ, вдовѣ Вендскаго короля.

Снорръ Стурлезонъ, упоминая о составившихся легендахъ послѣ исчезновенія Олафа, говоритъ, что то вѣрно,

что онъ никогда не возвращался въ Норвегію (Heimskringla. Olafssaga. CXX. II). 9 сентября въ первомъ году перваго тысячелѣтія нашего лѣтосчисленія Олафъ стоялъ съ шестидесятью судами между островомъ Рюгеномъ (Балтійской Русью) и материкомъ.—Сигвальдъ Ярлъ, морскій разбойникъ, предательски державшій сторону Сигфриды, присоединившійся къ нему въ роковой день съ десятью кораблями, вышелъ въ море съ своими кораблями и съ шестидесятью кораблями Олафа. Олафъ на кораблѣ Большой Змѣй, въ сопровожденіи Журавля и малаго Змѣя, пошелъ въ замкѣ своего флота. Какъ скоро флотъ потерялся изъ виду, короли Шведскій и Датскій выступили изъ своихъ засадъ и напали на Олафа. Участіе Вендовъ въ этомъ дѣлѣ было главное; ихъ мелкія суда составляли весь флотъ Олафа, самъ же Олафъ былъ на эскардѣ, состоявшей изъ большихъ кораблей, равно какъ и предатель Сигвальдъ. Это обстоятельство и было причиной пораженія Олафа; подробности эти, сообщенныя Снорро Стурлезономъ въ 122 главѣ Саги Олафа, весьма важны для морской исторіи Сѣвера. Снорро приводитъ стихи Гальдора нехриста, упоминающаго о мелкихъ вендскихъ судахъ. Морскими разбойниками были Венды, а потому и плавали они на мелкихъ судахъ, способныхъ за отсутствіемъ руля ходить взадъ и впередъ въ самыхъ узкихъ руслахъ.— Это-то общество и составляло варяжскую общину, въ которую стекались всѣ изгнанники изъ Исландіи, Даніи и Норвегіи, но назывались варягами въ исландскихъ сагахъ лишь тѣ, которые уходили въ Константинополь. Въ сагѣ, сгорѣвшей въ 1728 году и записанной по памяти Іанномъ Олафсономъ, разсказывается, что исландецъ Гестъ, по убіеніи Арнгрима, прозваннаго Стуръ, нигдѣ не находя убѣжища отъ преслѣдованія сыномъ убитаго, ушелъ въ Константинополь къ Варягамъ; туда за нимъ также поступившій въ варяги отправился и мститель.—Такимъ образомъ, по свидѣтельству этой не совсѣмъ достовѣрной передачи древней

саги, Варяги въ первый разъ упоминаются въ Константинополѣ въ 1011, году за 23 года до перваго упоминанія ихъ въ Геймскринглѣ и у Кедрина.—Въ концѣ Jomsvikingi saga Эйлифъ, сынъ Торгильда, уходитъ послѣ пораженія и уничтоженія Йибурга въ Волинѣ въ Константинополь, гдѣ онъ предводительствовалъ дружиной Варяжской. „Eilivus Constantinopoli profectus, cohorti Vaeringorum praefectus est ibique tandem cecidit. стр. 149 Латинскаго изд., стр. 161 Норренскаго: gjordist höfdingi fyrir Vaeringjalidi. Варягами въ сагахъ назывались лишь тѣ дружины, которыя находились на царской службѣ въ Константинополѣ. Въ исландскихъ сагахъ нерѣдко послѣ убійства люди уходятъ къ Верингамъ въ Царьградъ. Въ нашихъ Лѣтописяхъ Варягами называются тѣ заморскія дружины, которыя служили въ Россіи. Варяжскія войска называются у насъ и между—литовскими (въ Никон. лѣт. подъ г. 1379). Изъ этого вполнѣ видно, что въ скандинавскихъ земляхъ для Скандинавовъ Варяговъ не существовало, и это названіе дается лишь войску находящемуся въ Константинополѣ и на зимнихъ квартирахъ въ Малой Азіи.—Слово это, очевидное для Норреновъ, иностраннаго происхожденія, для Англосаксовъ оно было бранное, какъ равно и для западнихъ законодательствъ Европы.

Точно также слѣдуетъ смотрѣть и на викинговъ; викингами назывались въ литовскихъ земляхъ тѣ люди, за коими Нѣмецкій Орденъ при водвореніи своемъ признавалъ право свободнаго владѣнія землей.—Въ пятой главѣ Олафссаги Снорра Стурлезона разсказывается, какъ Астрида на пути къ брату Сигурду, проживавшему въ восточной части Россіи при дворѣ Владиміра, была захвачена викингами—то были Эсты, говоритъ Снорро Стурлезонъ.—Въ рабствѣ у Эстовъ и былъ въ послѣдствіи найденъ Олафъ. О Варягахъ и викингахъ слѣдуетъ сравнить: „Варяги и Русь“ С. А. Гедеонова, С.-Петербургъ, 1876 г., часть I, глава V.

Гуннлаугъ передаетъ разсказъ, имѣющій характеръ

вполнѣ достовѣрный и идущій очевидно изъ среды главныхъ" сообщниковъ Олафа.

Въ самомъ началѣ сраженія и потомъ между двухъ аттакъ на Великаго Змѣя замѣчено было маленькое весьма быстрое судно, управляемое Вендами, подходившее къ королевскому кораблю. Олафъ переговорилъ на чужомъ языкѣ съ гребцами и на вопросы его окружавшихъ далъ уклончивый отвѣтъ. Когда вторично подплыли къ нему незнакомые люди, Олафъ отказалъ предлагаемую ему помощь. Но по окончаніи сраженія, въ то время какъ Датчане провозглашали своими криками побѣду, маленькое судно это поспѣшно удалилось къ материку.— Разсказывали, что король подъ водой сбросилъ свою броню и вплавь достигъ до маленькаго судна, на коемъ находились Астрида и Славенинъ Диксинъ, бывшій министромъ Гейры, первой жены Олафа." — Разсказовъ объ исчезновеніи Олафа много. Галфрѣдъ Вандрэдаскольдъ (трудный пѣвецъ), сочинившій пѣснь въ честь Олафа, вскорѣ послѣ сраженія, говоритъ: не знаю, живъ ли конунгъ или странствуетъ по чужимъ землямъ; говорятъ и то и другое. Знаю, что онъ былъ раненъ.— Говорятъ, что онъ живетъ вдали отъ отечества въ земляхъ за моремъ; но отъ этого мнѣ не легче. Астрида разсказывала, что она охраняла Олафа въ теченіе двухъ лѣтъ съ 1000 по 1002 годъ въ Щетинѣ; этотъ городъ названъ по-норренски, совершенно согласно съ славянскимъ именемъ, Burgtaborg.—Астрида предлагала ему весь удѣлъ Гейры, но Олафъ отказался и отправился въ видѣ гостя въ Римъ; на дорогѣ, около его собирались люди всякаго званія и языка. Въ Римѣ Олафъ пробылъ съ 1002 по 1003 годъ, живя подъ землею. Съ 1003 по 1004 онъ находился въ Ладогѣ. Съ 1005 Олафъ былъ въ Іерусалимѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ коего ему даны были три крѣпости и два города, т. е. онъ сдѣлался, вѣроятно, начальникомъ Акритовъ, поселенныхъ въ родѣ нашихъ казаковъ на рубежѣ мусульманскаго міра. Во время его на-

чальствованія въ Палестинѣ онъ сдѣлался монахомъ въ 1007 году. Разсказы о немъ ходили не только въ Скандинавскихъ земляхъ, но повторялись и при Англійскомъ дворѣ.

Въ 1005 году паломники принесли королю Этельреду книгу, врученную имъ Олафомъ Въ этой книгѣ передавались тѣже подробности объ участи Астриды въ спасеніи Олафа. Англійскому королю Эдуарду читали въ день Пасхи это житіе св. Олафа.—Судя по этой англійской легендѣ, передаваемой Гуннлаугомъ, Олафъ умеръ на Востокѣ около 1050 года.

Много содѣйствовало сбивчивости древнихъ сказаній и позднѣйшихъ изслѣдованій—это одновременное явленіе двухъ Олафовъ, перваго сына Тригвы и Олафа Святаго Гаральдіона, также проживавшаго въ Россіи по изгнаніи изъ Норвегіи. Кромѣ того сбивчивости не могло не способствовать ученіе о посмертномъ житіи героевъ. Это объясняетъ упоминаніе и въ нашихъ Лѣтописяхъ о тѣхъ же богатыряхъ въ разныя столѣтія и вѣчность Владиміра - Краснаго солнышка, къ которому приходятъ историческія личности, жившія въ разныя вѣка. Подобная сбивчивость повидимому существовала и для перваго редактора нашей лѣтописи; не смотря на его осторожность, онъ заноситъ въ лѣтопись не историческій походъ Олега на Константинополь на основаніи какого либо легендарнаго разсказа въ родѣ хожденія Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь.

Начало нашей Лѣтописи несомнѣнно составлено по письменнымъ памятникамъ греческимъ.—Слова лѣтописца откуда стала, есть и пошла Русская земля, по правильному замѣчанію Розенкамфа, ничего другаго не могутъ значить, какъ—съ какихъ поръ имя Русь встрѣчается въ Лѣтописяхъ греческихъ. Немыслимо, чтобы человѣкъ живущій среди самаго общества и въ самой странѣ, могъ считать начало этого общества за полтораста или двѣсти лѣтъ назадъ, если это общество не составилось изъ переселенцевъ,

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ памяти народной сохраняются воспоминанія и за двѣсти лѣтъ назадъ. Весьма ясно, что лѣтописецъ имѣлъ въ виду жизнь письменную. Первый достовѣрный фактъ, по мнѣнію Кіевскаго лѣтописца, былъ походъ Игоревъ.—За строго научно-критическій приступъ первый редакторъ Руссной Лѣтописи получилъ полную похвалу отъ Шлецера. Предшествовавшіе факты однако необходимо должны были быть занесены на первыя страницы нашей исторіи и могли быть заимствованы лишь изъ письменныхъ эпическихъ повѣстей латинскихъ или изъ эпическихъ былинъ, сохранявшихся въ памяти русскихъ пѣвцовъ.—До XII столѣтія въ Европѣ существовали лишь двѣ письменности—греческая и латинская. Историческимъ и эпическимъ памятникамъ на народныхъ языкахъ, не исключая древнѣйшихъ бретонскихъ и англосаксонскихъ, предшествовали редакціи латинскія; германскимъ пѣснямъ о Нибелунгахъ и многимъ норренскимъ сагамъ и пѣснямъ также предшествовали латинскія редакціи. Сказанія о Рюрикѣ и Олегѣ должны скрываться въ письменныхъ памятникахъ латинскихъ Сѣверо-Западной Европы, гдѣ ихъ отъискивалъ Крузе, или въ нашихъ былинахъ. Составитель Русской первоначальной Лѣтописи весьма вѣроятно не пользовася другими источниками какъ письменными.—Въ средневѣковыхъ древнѣйшихъ памятникахъ хронологическихъ положительныхъ данныхъ нѣтъ и только на угадъ возможно было согласовать историческія легенды, составлявшіяся въ разныхъ мѣстностяхъ. Что касается до начала династіи Рюриковичей въ Россіи, то она согласно духу времени была, можетъ быть, и намѣренно облечена въ непроницаемый туманъ и намѣренно запутана, какъ сказки объ Александрѣ Македонскомъ, ведущемъ свой родъ отъ Ахиллесса, Юпитера, Аммона, Египетскаго царя Нептанебо, персидской принцессы, жены Македонскаго Филиппа, прибывшей къ мужу беременной Александромъ Великимъ отъ персидскаго принца.—На основаніи этой за-

путанности въ средней Азіи и на самомъ отдаленномъ Востокѣ, многіе владѣтельные роды ведутъ свое племя отъ Александра Великаго.—Понятно, что Лѣтописецъ русскій отвергъ всѣ миѳическія родословныя. Въ Ипатьевской Лѣтописи мы имѣемъ указаніе, что въ Россіи велись родословныя отъ Сварога и Дажьбога, о чемъ свидѣтельствуетъ пѣвецъ Игоревъ.—Надъ этой родословной шутитъ редакторъ Ипатьевской Лѣтописи, поставляя Хама прародителемъ Сварога, тогда какъ между египетскими династіями Хамъ является несравненно позже и принадлежитъ къ исторической династіи, тогда какъ Сварогъ принадлежитъ къ династіи боговъ.—Впрочемъ Хамъ отождествляется съ Зороастромъ и Зеруаномъ безпредѣльнымъ временемъ; ср. въ указ. къ Зам. на Сл. о Полку Иг. s. v. Хамъ.—

Весьма важныя хожденія, хотя и одиночныя, упоминаются въ Kristniasaga, составленной Гаукомъ Erlendson (Ant. Russes т. II. 236 ср., т. I. стр. XXII—XXIV). Послѣ исчезновенія Олафа въ морскомъ сраженіи при Сволдрѣ, Торвальдъ, сынъ Кодрановъ и Стефниръ Торгильдсонъ, по возвращеніи изъ Іерусалима и Константинополя, ходили по Днѣпру въ Кіевъ (Koenogard обозначаетъ также въ сагахъ и всю Юго-Западную Россію). Торвальдъ умеръ въ Россіи близь Полотска, похороненъ на горѣ у храма Іоанна Крестителя и причисленъ къ лику Святыхъ. О немъ упоминается въ стихахъ Бранда странника:

Былъ въ мѣстѣ,
Гдѣ Торвальду
Кодранову сыну
Христосъ далъ покой.
Тутъ похороненъ онъ
На вершинѣ горы
Въ Драфнѣ
У Храма Іоанна.

Оттуда Стефниръ пошелъ къ Сѣверу въ Данію, какъ говоритъ „дѣдушка Ари“ (Ari Thorgilsson hinn frodi).

Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этой выпискѣ ясно обнаруживается, что Riant самъ сознаетъ отсутствіе данныхъ, подтверждающихъ гипотезу о хожденіи Скандинавовъ черезъ Россію; тѣмъ менѣе слѣдовательно существуетъ данныхъ, подтверждающихъ гипотезу о ихъ господствѣ въ Россіи: „La route par ou passerent Thorvald et Stefnir est a p p a r e m m e n t le chemin ordinaire du commerce et des Veringues de Constantinople par Kiew le long du Dniepre de là à Polotsk et plus loin à la mer Baltique, p r o b a b l e m e n t par la Livonie, qui se nommait alors Esthonie jusqu'à l'ile de Bornholm et en Scanie ou peut être aussi par la Poméranie, savoir par Jumne ou Jomsbourg, jusqu'en Selande.“ —Кажется, достаточно ясно выражено, что кромѣ гипотезъ нѣтъ ни одной положительной данной о пути Скандинавскихъ паломниковъ черезъ Россію.—

Графъ Paul de Riant оставляетъ далеко за собой всю скандинавскую школу. Онъ переводитъ вмѣсто „ко многимъ князьямъ Русской земли и во всю Гардарикію“ къ Гардарикскимъ Скандинавскимъ князьямъ.“ (Thorvallds Vídförla Saga c. X. стр. 334-337. Hungurvaka, Pals Biskupssaga ok pattr of Thorvalldi Vidförla Hafniae 1778.) „aussi fut-il fait foringr (chef) et quelque tems après, envoyé en Russie en qualite' de Valldzmadr [plenipotentiaire] vers les p r i n c e s S c a n d i n a v e s de Gardariki.“

Само собой разумѣется, что въ оригиналѣ ни о Нóрренскихъ, ни о Норманнскихъ, ни о Скандинавскихъ князьяхъ въ Гардарикіи не могло быть и помину. Дѣйствительно, мы находимъ въ обязательно сообщенной намъ Академикомъ Шифнеромъ вышеобозначенной сагѣ о паломничествѣ Торвальда слѣдующее:

„allra mest var han tignadr um Austrveg thangat sendr of Keysaranum, svo sem foringi eda Valldzmadr, skipadr yfir marga konga a Ruslandi oc i öllu Gardariki.“

Въ латинскомъ переводѣ это мѣсто передано такъ:

„Longe autem amplissimo erat ejus gloria per regiones orientales, quo legatus est missus ab imperatore, ducis sive magistratus dignitate auctus imperioque in multos reges Russiae et tota Gardarikia.“

Смыслъ весьма ясный: Торвальдъ, облеченный императорскимъ саномъ, властію Воеводы или Господаря, былъ посланъ ко многимъ князьямъ Русской земли и во всю Гардарикію. Полномочія его, значитъ, распространялись и относительно каждаго изъ тѣхъ князей земли Русской, къ коимъ полномочіе относилось, къ князьямъ не подчиненнымъ Великому князю и во всю Гардарикію т. е. въ тотъ союзъ князей и дружинъ, который былъ подчиненъ Великому князю.

Указанія Константина Багрянородкаго о торговомъ пути по Днѣпру относятся къ Руссамъ; указанія о Скандинавскихъ караванахъ черезъ Россію въ памятникахъ не существуетъ. Примѣненіе словъ Константина Порфирогенита къ шведскимъ торговцамъ тѣмъ паче паломникамъ совершенно произвольно.

Отношенія Ярослава къ Олафу святому опредѣляются въ Геймскринглѣ Снорра Стурлезона Antiquités Russes. T. I. Ярославъ поручаетъ Олафу св. управленіе Болгаріей.

Король Магнусъ, сынъ Олафа, отправляется въ Швецію изъ Новгорода и Ладоги (357). Гаральдъ, сынъ Сигурда, братъ единоутробный Олафа святаго, послѣ сраженія при Stexlastad, въ коемъ былъ убитъ Олафъ святой, отправляется къ Ярославу и назначается начальникомъ стражи (landvarnarmönnom). Гаральдъ, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Гардарикѣ и много исходя Austrweg, набравъ себѣ людей, отправился въ Константинополь (стр. 360—362), откуда послѣ многихъ похожденій и подвиговъ съ Варягами въ Царьградѣ, Африкѣ и Палестинѣ возвращается въ Новгородъ, идетъ въ Ладогу и тамъ, снарядивъ суда, отправляется въ Швецію (стр. 376). „Insequenti autem vere Haraldus iter suum Holmgardo ingressus, Aldegioborgam petiit, ubi comparatis navibus sequenti

aestate ab oriente navigavit, cursu primum in Svedhiam verso, Sigtuna appulit;"—Въ 22 § разсказывается, что Гаральдъ сынъ Сигурда, женатый на Елисаветѣ, дочери Ярослава Новгородскаго, съ свойственникомъ своимъ Свейномъ Ульфсономъ, въ товариществѣ съ набранными дружинами пройдя въ Данію, опустошали все мечемъ и огнемъ и подчинили себѣ всю страну. Въ § 11 (стр. 128) той же Саги объясняется, что Гида (Guda), дочь Гаральда, брата Свейна, была женой Владиміра, отъ коей былъ у Владиміра сынъ Гаральдъ (Мстиславъ).—Въ этомъ же § объясняется свойство Русскихъ князей съ королемъ Англійскимъ Гаральдомъ, отцомъ Владиміровой жены.

Въ X и XI столѣтіи Скандинавскіе конунги являлись, какъ видно, въ Новгородъ и Кіевъ изгнанниками. Такой же характеръ имѣли и посѣщенія балтійскихъ династовъ въ предыдущія столѣтія. Иваръ Widfarne, странникъ, завоевалъ Эстляндію, Курляндію, Саксонію, часть Англіи, завоевалъ и Зеландію, въ коей княжили два брата Рюрикъ и Ельга; онъ выдалъ свою дочь Ауду за перваго. Обвинивъ дочь въ связи съ младшимъ братомъ, возбудилъ ревность этого младшаго брата противъ старшаго и за тѣмъ предалъ Ельгу смерти за убійство зятя. Ауда бѣжала въ Россію съ сыномъ Рюрика, Гаральдомъ Гильдестаномъ и въ Россіи, около начала VIII столѣтія, вышла за тамошняго короля Радбарда, родоначальника Норвежскаго короля Гарфагра въ IX столѣтіи и Олафа Триггвазона. Этотъ Радбардъ, король въ Гардарикіи, родоначальникъ нѣсколькихъ Норренскихъ династій, не встрѣчается однако ни въ ряду королей Англійскихъ, ни Норвежскихъ, ни Датскихъ, хотя родословныя ихъ ведутся съ Іафета. — Иваръ погнался за дочерью въ Россію; подойдя къ Карельскому берегу, онъ вызвалъ своего бывшаго наставника Горда для объясненія; Гордъ не рѣшился идти на корабль; Иваръ, вызвавъ его на поединокъ, сошелъ на берегъ и съ тѣхъ поръ оба пропали

безъ вѣсти. Гаральдъ Гильдестанъ, снабженный Русскимъ королемъ кораблями и людьми, возвращается въ Зеландію, гдѣ и воцаряется. За нимъ владѣли въ Швеціи Сигурдъ, Рингъ и Рангваръ Лодброкъ. Эта династія называлась Иваровой.

Отъ отца Гаральда, короля Англійскаго, возведеннаго Кнутомъ въ Ярлы, идутъ, по свидѣтельству Knytlinga Saga въ томъ же §, многіе знаменитые роды въ Англіи, Даніи, Швеціи и Россіи и датскія королевскія династіи. Даже если принять эти генеалогическія показанія за достовѣрныя, то все-таки нѣтъ никакого основанія приписывать этимъ династіямъ ту или другую народность. Всѣ эти династіи ведутъ свой родъ отъ выходца съ Дона Одина или правильнѣе Водена, человѣка весьма загадочнаго происхожденія. — Торгилъ, сынъ короля Свейна (§ 23.), ушедшій на Востокъ въ Россію (for Austr Gardariki), гдѣ имѣлъ обширный кругъ родственниковъ по своей матери; воспитанный въ Россіи и тамъ же сдѣланный королемъ (Konungs tekinn), онъ отправился въ Данію.

Кнутъ, сынъ Короля Свейна (§ 26.), имѣлъ много воиновъ и хорошую Флотилію (skipakost); онъ производилъ морскіе разбои, hernadi, piratica, въ Россіи (Austrweg, in partibus orientalibus) и побѣдилъ десять королей (konunga). Источникъ разсказа—пѣснь Кальфа Манасона; составитель Саги не опредѣляетъ времени; самый фактъ грабежа было дѣло обычное.

Кнутъ могъ легко производить грабежи по восточному берегу Балтійскаго моря, и ходить по Невѣ и Ладожскому морю. Изъ самаго договора Новгорода съ Ганзою въ концѣ XIII столѣтія отъ имени Ярослава Ярославича видно, что плаваніе по Невѣ подвергалось нападенію пиратовъ; гостямъ нѣмецкимъ и готландскимъ предоставлялось брать съ собой приставовъ отъ Новгорода и въ томъ случаѣ отвѣтственность въ случаѣ грабежа падала на Новгородъ. Гостямъ по этому договору предоставлялось право

задерживать воровъ между Котлинымъ и Ладогой съ представленіемъ въ судъ въ Ладогѣ, а въ случаѣ, если воръ пойманъ между Ладогой и Новгородомъ, то представлять его въ судъ въ Новгородѣ. Извѣстно, что иностранные гости имѣли право ѣздить по всѣмъ владѣніямъ Новгородскимъ, но при поѣздкѣ въ Корѣлу, Новгородъ не принималъ отвѣтственности за то, что можетъ случиться съ гостемъ.

Олафъ Третелій, т. е. дровосѣкъ, сынъ Ингіальда, пораженнаго Иваромъ и сжегшаго себя со всѣмъ семействомъ и дворомъ для избѣжанія мести Ивара за многія убійства. Олафъ Третелій удалился добровольно въ Вермеландію, предполагаемую нынѣшнюю Далекарлію, подобно тому какъ Олафъ Тригвазонъ и Олафъ святой, не желая оружіемъ отстаивать своихъ правъ. Около него собирались всѣ недовольные Иваромъ.—Олафъ былъ сожженъ своими подданными въ честь Одина. Этотъ Олафъ Дровосѣкъ, кажется, тотъ же что Olo Vegetus, сынъ Фридлейфа, упоминаемый Саксо-Грамматикомъ. Во всякомъ случаѣ Олафъ Третелій и Vegetus современники. Sögubrot называетъ между товарищами Рингона въ Бровалинскомъ сраженіи этого Олафа Ala en froekna.

Вообще въ крайне перепутанныхъ и загадочныхъ Скандинавскихъ легендахъ Олафы занимаютъ самое загадочное мѣсто. Роль ими разыгрываемая должна была быть и была въ дѣйствительности крайне загадочной; Олафъ Третелій и Олафъ Тригвазонъ были таинственные цари, въ неопредѣленныхъ мѣстностяхъ, царями въ родѣ Далай Ламъ Тибетскихъ, Японскихъ Тайкуновъ и Меровинговъ Франціи. При болѣе полномъ и тщательномъ изслѣдованіи непочатой средне вѣковой исторіи весьма можетъ быть окажется, что Скандинавскія легенды объ этихъ обоихъ Олафахъ находятся въ связи съ нашимъ Олегомъ вѣщимъ, Микулой Селяниновичемъ, Гугономъ Константинопольскимъ, принимавшимъ за золотымъ плугомъ въ Царьградѣ Карла Великаго и наградившимъ его западнымъ царствомъ. Этотъ

Олафъ кажется, однимъ изъ представителей таинственнаго морскаго Царя Бретонскихъ романовъ, посѣщаемаго Садкой и спрашивавшаго новгородскаго купца: вѣренъ ли слухъ, что въ Новгородѣ стало желѣзо дороже золота.

Въ этихъ легендахъ проявляется существованіе на сѣверѣ и въ самомъ Царьградѣ царей невидимокъ, игравшихъ значительную роль въ легендарныхъ сказаніяхъ и проходящихъ незамѣченными въ оффиціальныхъ исторіяхъ; существованіе этихъ невидимокъ отвергается, само собою, разумѣется, строгой критикой, но тѣмъ не менѣе загадочныя личности эти существовали въ дѣйствительности, какъ напримѣръ, Іоанны пресвитеры; это были дѣйствительные или вымышленные претенденты, выставляемые гонимыми сектами.

Олафы Третелій и Тригвазонъ были представителями древней легенды о странствующемъ героѣ, коего Тацитъ называетъ Улиссомъ-Одиссеемъ.—Въ наше время почти не можетъ быть сомнѣнія, что культъ Одина на Сѣверѣ Европы, основанный на сожженіи Азгарда, греческія легенды о разореніи Трои и странствованія Одиссея, разореніе царства Ревана Рамой на островѣ Цейлонѣ, древней Топробаны, въ отмщеніе за похищеніе жены и обреченіе на вѣчныя странствованія подданныхъ Ревана,—суть варіанты одного и тогоже сказанія. Въ Индіи факиры ведутъ свое начало отъ Ревана. Всѣ эти легенды суть одно и тоже сказаніе или правильнѣе ученіе о необходимости каждому порабощенному или разъединеннымъ племенамъ стремиться къ соединенію и преобладанію. Объединеніемъ для вытѣсненныхъ и разсѣянныхъ племенъ болѣе всего могутъ служить странствованія паломниковъ.

Весьма понятно, что это ученіе получило полное развитіе во время римскаго владычества и было одной изъ главныхъ силъ, которая образовала нынѣ существующія Европейскія государства. Вся готская и скандинавская теоріи ошибочны въ своемъ основаніи: противодѣйствіе Ри-

му могло только организоваться въ земляхъ Славянскихъ и Тюркскихъ. Всѣ Скандинавскія преданія говорятъ о Великой Скиѳіи Svithiod i mikla, раздѣленной на-двое Ураломъ —Одинъ, по Саксу Грамматику, является къ Русскому двору въ разныхъ переодѣваніяхъ, чтобы жениться на дочерѣ Русскаго князя съ цѣлію прижить сына для отмщенія за убіеніе брата его Бальдера. Совѣтъ этотъ данъ былъ богу Одину Финскимъ колдуномъ. Кажется, притча эта, переданная Саксо Граматикомъ, опредѣляетъ отношенія Россіи къ скандинавскому движенію, составляющему всю суть богатой Норренской литературы.—Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Саги составлялись самими участниками въ дѣлахъ—скальдами, миссіонерами и Варягами въ Константинополѣ, Россіи и Исландіи.

Баснословная же часть сагъ и легендъ сохранила намъ ученіе и преданія, дополняющія вѣрную картину древней жизни отъ береговъ Дона до береговъ Эльбы и много способствуетъ уясненію современныхъ стремленій многихъ Европейскихъ народностей.—Въ Индіи, гдѣ племена находятся въ разрозненномъ состояніи, таковыхъ факировъ насчитывалось въ XVII столѣтіи, по свидѣтельству Таверне, 1,200,000 язычниковъ и 800,000 мусульманъ. Въ Бретонскихъ романахъ связь съ отдаленнымъ востокомъ выражается варіянтами: Константинополь, Индія, Топробана какъ цѣль подвига. Въ варьянтахъ пѣсни о Волхвѣ Всеславичѣ находятся Царьградъ и Индія. Чулковъ это весьма хорошо понималъ и указывалъ прямо на Индію, сообщая притомъ и маршрутъ съ помощью заснувшаго непробуднымъ сномъ Французскаго богатыря черезъ Сирію, а оттуда въ союзѣ съ Еруслановъ Лазаревичемъ т. е. черезъ Персію.—

Рейнгольдъ Рѣрихтъ, признавая хожденія Скандинавовъ въ Царьградъ и Іерусалимъ черезъ Россію фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію, ссылается на превосходное изслѣдованіе Павла de Riant. Здѣсь мы встрѣчаемъ Гараль-

да, проживавшаго въ Россіи, служившаго въ Константинополѣ и ходившаго по Средиземному морю для преслѣдованія пиратовъ. Гаральдъ во время своего состоянія на службѣ греческой посѣтилъ Іерусалимъ. Мы встрѣчаемъ и Олафа воспитаннаго въ Россіи и уже по смерти своей ходившаго въ Іерусалимъ, но не черезъ Россію, а черезъ Германію и Италію, гдѣ онъ провелъ зиму въ римскихъ катакомбахъ. Riant приводитъ свидѣтельство французскаго хроникера о присутствіи Шведовъ и Руссовъ при осадѣ Антіохіи въ 1098 году, въ тотъ самый годъ, когда король Ейрикъ ходилъ на поклоненіе въ Римъ и Бары. Если Русскіе не отдѣлялись отъ шведской національности, то выходитъ, какъ будто французскіе крестоносцы называли одну часть Шведовъ по фински (Ruodsi), а другую ихъ обычнымъ именемъ. Единственный, важный фактъ, указываемый Павломъ de Riant о хожденіи Скандинавскихъ пилигримовъ въ Іерусалимъ черезъ Россію--это вторичное хожденіе короля Ейрика; Ейрика встрѣчало по пути въ Россію духовенство съ колокольнымъ звономъ. Слова французскаго изслѣдователя меня крайне поразили своею опредѣлительностію и обстоятельностію. Сомнѣніямъ въ виду таковыхъ опредѣлительныхъ цитатъ, по крайне сомнительному вопросу, уже не было мѣста. Приводимъ его слова (стр. 158, 159):

L'expédition étant prête, le roi fit embarquer sa suite et se dirigea vers la Russie; un vent contraire le força de relâcher à Visby, la capitale déjà célèbre de l'île de Gotland. „Il y fut reçu en hôte, dit un chroni- „queur local, et y vécut en ami, sans chercher, comme „plus d'un de ses successeurs, à s'emparer de l'île," Il resta un mois à Visby et y fondá eme église sous l'invocation pe saint Olaf, apôtre de l'île. Les seigneurs danois voulurent contribuer à cette oeuvre pieuse et laissèrent dans l'île d'abondantes aumônes. De Gotland, Erik aborda en Esthonie, ou il fit, dit-on, plusieurs fondations,

puis se prépara à traverser la Russie, alors divisée, comme nous l'avons dit, en plusieurs petits États gouvernés par des princes scandinaves, entre autres par Thorgil, frére d'Erik, et Mstislav Harald, (сынъ Владиміра святаго), son parent. Sviatopolk, prince de Kieff (Markus Skeggiason le dit formellement) „lui donna de valeureux compagnons exercés à la guerre, pour le guider le long „du chemin." Tout le voyage ne fut qu'une longue ovation. Dans chaque ville, les prêtres alaient en procession au-devant du roi avec les saintes reliques; il était reçu au son des cloches et au chant des cantiques. Riant говорить, что скальдъ Markus Skeggjason, цитируемый въ Knytlinga Saga, гл. 79, Eiriks drapa Form. Sögur XI. стр. 313, положительно утверждаетъ, что Ейрикъ ходилъ въ Іерусалимъ черезъ Россію. При новѣркѣ оказывается, что ссылка талантливаго, но въ то время еще юнаго французскаго изслѣдователя произошла отъ страннаго недоразумѣнія вслѣдствіе слишкомъ поспѣшнаго пользованія выписками, изданными въ Копенгагенѣ подъ заглавіемъ Antiquités Russes. Недоразумѣніе не могло бы произойти при пользованіи изданіемъ въ Form. Sögur, такъ какъ въ этомъ изданіи норренскіе тексты изданы отдѣльно отъ латинскихъ. Въ Antiquites Russes извлеченія изъ норренскаго текста Knitlinga Saga напечатаны въ двѣ колонны, а подъ обѣими колоннами напечатанъ латинскій переводъ. Для сбереженія мѣста противъ цитируемыхъ въ норренскомъ текстѣ стиховъ помѣщается во второмъ столбцѣ норренскаго текста латинскій переводъ тѣхъ же стиховъ, а въ латинскомъ переводѣ, помѣщенномъ подъ обоими столбцами, во всю ширину листа, значится въ скобкахъ: vide supra, т. е. принадлежащій сюда латинскій переводъ, помѣщенный выше для сбереженія мѣста во второмъ столбцѣ норренскаго текста. Такимъ образомъ выходитъ въ интересующемъ насъ мѣстѣ, что латинскій переводъ стиховъ Марка Скегіясона, принадлежащій § 70,

помѣщенъ въ слѣдующей немедленно за § 70 выпискѣ изъ норренскаго текста 79 главы,—79 глава трактуетъ о хожденіи въ Іерусалимъ; стихи Марка о хожденіи въ Россію, принадлежащіе къ 70 главѣ, прямо примыкаютъ къ норренской прозѣ 81 главы. Оплошность эта весьма понятна и извинительна, но французскій изслѣдователь увлекся, найдя положительное свидѣтельство о хожденіи Скандинавовъ черезъ Россію: изъ (императора) Гейнриха онъ дѣлаетъ Святополка Кіевскаго и говоритъ, что послѣдній далъ проводниковъ Ейрику.

Строки въ Knytlinga, гдѣ говорится, что Ейрикъ шелъ черезъ Германію, пропущены въ Antiquites Russes, такъ какъ они дѣйствительно до Россіи не относятся. Что касается до Копенгагенскихъ издателей, то слѣдуетъ замѣтить, что они совершенно неправильно помѣстили всю выписку изъ 81 главы; къ Русскимъ древностямъ выписка не относится, такъ какъ въ ней говорится о приходѣ Ейрика въ Константинополь и о кончинѣ его на островѣ Кипрѣ. Весьма понятно, какъ легко было сбиться при подобномъ сочетаніи выписокъ. Для ясности этихъ дополнительныхъ и излишнихъ свѣдѣній объ Ейрикѣ во всякомъ случаѣ правильно было бы по крайнѣй мѣрѣ сохранить указаніе норренскаго повѣтствователя, что Ейрикъ шелъ черезъ Германію и что проводники ему даны были императоромъ Германскимъ.

Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что Саксо Грамматикъ вскользь говоритъ, что Ейрикъ, уходя въ Іерусалимъ, отправился въ Россію: Interea Eriacs petitam navigio Rusciam terrestri permonsus itinere, magna Orientis parte transcursa Bysantium veniebat (Hist. Dan. Hafniae 1839. ч. 1. XII стр. 610). Кромѣ возможности ошибки въ одной или другой редакціи весьма можетъ быть, что между сагой и Саксо Грамматикомъ разногласія не находится такъ какъ Ruscia можетъ обозначать и Русь Поморскую и Вендскую. Въ Knytlinga Saga исторія Ейрика начинается съ 70 гл.

Ейрикъ послѣ пораженія морскихъ разбойниковъ ходилъ въ Россію (austr i Gardariki), былъ принятъ съ восторгомъ за его участіе въ преслѣдованіи пиратовъ и одаренный щедро Русскими князьями, онъ вернулся оттуда въ Danmörk, по словамъ Марка, а въ прозаическомъ разсказѣ: „Danmörk i riki sit."

Въ главѣ 71 и 72 говорится о добродѣтеляхъ Ейрика, въ главѣ 72 о хожденіи его въ Римъ и Бары. Глава 75 посвящена императору Гейнриху. Въ 76 говорится о войнѣ Ейрика съ Германскимъ императоромъ. Въ 77 о мощахъ Короля Кнута. Въ 78 о плѣненіи сестры императора и о сыновьяхъ Ейрика. Въ 79 главѣ: Regis Eiriki Hierosolymam profectio, Ейрикъ отправляется съ значительными отрядами конныхъ и пѣхотныхъ и въ каждомъ городѣ его встрѣчаетъ духовенство съ мощами. За тѣмъ въ Antiquités Russes пропускъ такъ, что не видно, что дѣло идетъ о Германіи и что проводники даны Ейрику императоромъ Германскимъ. Въ главѣ 79-ой послѣ длинной рѣчи Ейрика разсказывается хожденіе его въ Іерусалимъ черезъ Германію, гдѣ къ нему выходило духовенство съ мощами, и императоръ далъ ему проводниковъ; въ одномъ изъ варьянтовъ сказано даже, что проводники ему сопутствовали до Константинополя. Привожу прозаическій разсказъ и стихи Марка и читатель увидитъ, на чемъ основано достовѣрное свидѣтельство о хожденіи Ейрика черезъ Россію, и кто могъ быть принятъ за Святополка Кіевскаго: „Dum rex Eiricus profectionem magno sumtu adornavit, quod consilium ejus quum fama late divulgaretur, multi proceres, tam indigenae quam exteri, hujus profectionis societatem petierunt. Circa hoc tempus rex Franco-Gallorum (Frakkakonungr) regi Eiriko ante quam domo profisceretur, ampla munera misit. Plurimorum hominum relatio est, tunc pacem inter imperatorem Henricum et Eirikum Danorum regem factam. ut ipsi munera inter se mitterent. Imperator regi Eiriko magnum mili-

tum numerum ex imperio suo misit. Sic Marcus:

Rector Francogalliae [Frakklands styrir] elegantem Bjornis
Fratrem splendidis divitiis donavit;
Ampla munera, a potente imperatore
Missa, clypeorum consumptori placuerunt.
Donicum Sotiae terrae princeps in Caesaris.
Congressum venisset, amicus regum strenuos
Ei comites, ad proelium instructos, dedit,
Qui eum per tolam viae spatium deducerent.

Послѣдніе четыре стиха суть весь источникъ, имѣвшійся въ виду у Павла de Riant для изобрѣтенія хожденія черезъ Россію и проводниковъ данныхъ. Святополкомъ.—Riant приплетаетъ свидѣтельство готландскаго хроникера о пребываніи Еирика въ Визби, хотя вовсе нѣтъ указанія, что свидѣтельство Готландской саги относится къ хожденіямъ въ Римъ или въ Іерусалимъ.—Можно быть увѣреннымъ, что не только ни въ одной сагѣ, но и въ позднѣйшихъ Скандинавскихъ компиляціяхъ ничего похожаго на его разсказъ не найдемъ. Pontopidannus понимаетъ свидѣтельство Марка также точно, какъ оно изложено здѣсь да и невозможно иначе понять. (Gesta et vestigia Danorum extra Daniam. T. I. c. I. continens Danorum in oriente gesta ac vectigia.—sect. I. peregrinatores religiosi § I. Eirikus Bonus]. „Constans quoque fama tradit, eodem tempore pacem inter imperat. Henricum et Eiricum factam mutuis muneribus ultro citroque missis: copias quoque auxiliares ab imperatore Regi missas carmine prodit Encomiastes ejus Marcus etc. His peractis iter splendida comitata ingreditur, copiis pedestribus equestribus permistis, nullam civitalem adiit, quin ab Ecclesiasticorum collegiis in occursum ejus profectis pompa, quam processionem appellant, sanctorum reliquiis obviam prolatis exci-

peretur. Constantinopolem directus etc.

Изъ обзора большаго числа Скандинавскихъ сагъ и собранныхъ выписокъ въ Antiquités Russes нигдѣ не видно факта, опровергающаго показанія Адама Бременскаго, что для паломниковъ пути черезъ Россію не было, но что слухъ о возможности таковаго пути существуетъ. Изъ Скандинавскихъ сагъ одна сага острова Готланда сообщаетъ любопытный фактъ, что черезъ Готландъ и Россію ходили высшія духовныя лица въ Іерусалимъ передъ посвященіемъ ихъ въ епископы. Хожденія этихъ рѣдкихъ паломниковъ не могутъ быть сочтены за признакъ обычнаго, постояннаго пути для паломниковъ.—Обычные пути для паломниковъ были обезпечиваемы съ VIII столѣтія международными договорами и учрежденіями, упоминаемыми въ исторіи и существующими и нынѣ въ Италіи, турецкихъ земляхъ и въ Индіи для пилигримовъ разныхъ вѣроисповѣданій. Самое важное свидѣтельство о хожденіи поморскихъ изгнанниковъ черезъ Россію находится въ Русскомъ документѣ, хотя самый фактъ еще не указываетъ, чтобы Скандинавы имѣли обыкновеніе ходить къ Святымъ мѣстамъ черезъ Россію.

Въ житіи святаго Антонія повѣствуется: „Варяжскіи поклажаи ѥ҆, понеже съ съсоуди латыньскіе соуть, и сего ради Варяжская печера зовется и донынѣ“ (Посланіе къ архим. Печерскому Акиндину, въ Памятн. Русск Лит., изд. Вл. Яковлевымъ Спб. 1872, стр. CCXXI).

Сближеніе обоихъ свидѣтельствъ русскаго и готландскаго представляетъ поводъ къ довольно интересному соображенію. Присутствіе Варяговъ въ Кіев. пещерахъ обнаружилось находкой латинскихъ сосудовъ, а шведскія духовныя лица находились въ общеніи съ Восточною Церковью, и ходили въ Іерусалимъ для посвященія въ епископы.

Нѣтъ никакого основанія заключать, чтобы Варяги принадлежали къ особому племени: трудно сомнѣваться чтобы Ильменскіе Словѣне, упоминаемые въ нашихъ Лѣ-

тописяхъ отдѣльно отъ русскихъ, не были поселеніемъ балтійскихъ, поморскихъ, латинствовавшихъ Славянъ. Волотово кладбище близъ Новгорода прямо на то указываетъ.

Волотове, исполины назвались также и Лютичами и Вильцами. Эгингардъ говоритъ въ своей лѣтописи подъ годомъ 789, что Волотовъ Франки называютъ Вильцами и почти повторяетъ тѣже слова въ 12-й главѣ жизнеописанія Карла Великаго. Эгингардъ упоминаетъ о постоянной враждѣ, существовавшей между Франками и Вильцами, перенесенной обоими племенами или правильнѣе дружинами во Францію и Россію, передававшейся изъ рода въ родъ до нашего времени. Notker Labeo въ парафразѣ Мартіана Капеллы также говоритъ, что Волотове и Вильци обозначаютъ одно и тоже племя; „Aber Welatabi, die in Germania sizzent, tie wir Wilze heizen, die ne scament [не стыдящеся] sih nieht ze chedenno [говорить], daz sie iro parentes mit merem rehte ezen sulin danne die Wurme [Mon. Germ. Hist. II. 138). Адамъ Временскій (III. гл. 24.) говоритъ, что Вильцовъ называютъ Лютичами. Эти Волотове тоже что могущественные Славяне Аванджи, о коихъ говоритъ Массуди, и свирѣпые гиганты Аванки, о коихъ часто упоминается въ Бретонскихъ сказаніяхъ. Это названіе Вильцовъ интересно, такъ какъ оно на Вендскомъ языкѣ значитъ не „волки" а великаны; wilkia, по словарю Пфеффингера, составленнаго въ концѣ XVII столѣтія (Eccardus Hist. Stud. Etym. 275. 279.) значитъ великій.—Это сближеніе формъ Wilzi, vük, волкъ, вилкъ и великъ, поясняетъ болгарскую форму вѫликъ дѫнь, великъ день, пишущуюся съ юсомъ и формы wulke knjezi и Wulki Car, встрѣчаемыя въ письмѣ Лужичанина Френкеля къ Петру Великому въ 1697 году (Ж. М. Н. Пр. 1844 № 7. ст. И. И. Срезневскаго) Wilzi въ передѣлкѣ Орозія Альфредомъ написаны Wylte, что Шлецеръ неправильно (П, 67) перевелъ „язычники," хотя по тексту ясно, что рѣчь идетъ о Вендахъ. Присут-

ствіе латинскаго, варяжскаго элемента въ Новгородѣ, слившагося съ обществомъ, принадлежавшимъ къ Греко-Россійскому исповѣданію, замѣтно изъ Вирашанія Кюрикова, „еже въпроша Епископа Ноугородьскаго Нифонта и инѣхъ: „А еже се носили къ варяжскому попу дѣти на молитву? 6 недѣль опитемье, рече, занеже акы двовѣрци суть" (Пам. Рос. Словесности XII вѣка. М. 1821 стр. 202).

Кажется, довольно ясно, что подъ Варяжскимъ попомъ, дававшимъ молитву русскимъ новорожденнымъ, не слѣдуетъ подразумѣвать иностранныхъ священниковъ при Готскомъ и Нѣмецкомъ дворахъ, такъ какъ обращеніе къ нимъ Русскихъ людей могло бы быть лишь рѣдкимъ исключеніемъ, не дающимъ повода къ постановкѣ вопроса.

Есть еще одинъ фактъ, на который можно указать въ подтвержденіе словъ Адама Бременскаго, это то обстоятельство, что въ рѣдкихъ случаяхъ о хожденіи норренскихъ людей черезъ Россію, упоминаемыхъ въ сагахъ, всякій разъ упоминаются люди, возвращавшіеся изъ Іерусалима черезъ Россію.—Дѣйствительно, послѣ Пасхи путь былъ несравненно легче чѣмъ зимой и около весенняго равноденствія. Возвращаясь лѣтомъ, Норренскіе паломники находили въ Константинополѣ Русскихъ людей и даже греческіе караваны (грѣчины), съ коими имъ было удобно идти въ Кіевъ и оттуда въ Смоленскъ, тогда какъ въ февралѣ и мартѣ, не говоря о стужѣ, распутицѣ, у Печенеговъ и Половцевъ они не могли разсчитывать найти зимою суда, готовыя къ отплытію въ Константинополь. Многіе паломники возвращались изъ Іерусалима чрезъ Константинополь, Болгарію и Венгрію, потому что имъ неудобно было возвращаться тѣмъ путемъ, по коему они совершали грабежи.—Хожденіе черезъ Римъ кромѣ того было условіемъ положительнымъ, тогда какъ возвратный путь зависѣлъ отъ удобства.—Ни разу въ сагахъ не упоминается, чтобы паломники шли черезъ Россію даже на возвратномъ пути. Для высшихъ духовныхъ лицъ, ходившихъ изъ Швеціи въ Іерусалимъ, препятствія могли быть заблаговременно легко устраняемы тѣмъ болѣе, что эти лица были менѣе связываемы условіями времени, чѣмъ паломники, спѣшившіе въ Іерусалимъ къ опредѣленному времени.

Трудъ Графа de Riant въ общей сложности превосходный, весьма отчетливый и обильный данными для лучшаго пониманія образованія Русскаго общества въ до-монгольскій періодъ. Ошибки его по вопросу русскому едва ли могутъ быть сочтены за намѣренныя, но несомнѣнно и то, что въ немъ, при составленіи его труда, преобладалъ враждебный для насъ духъ графа Choiseuil, который произвелъ ту путаницу, которая повела графа Riant къ предположенію, что Imperator, Keisarinn могъ обозначать Святополка, уже не говоря о томъ, что въ предъидущихъ строкахъ упоминается императоръ Германскій, Гейнрихъ по имени.—При обозрѣніи вопроса о хожденіи Скандинавовъ въ Іерусалимъ черезъ Россію нельзя не пожалѣть, что у насъ такъ мало обращено вниманіе на богатые и превосходные матеріалы для исторіи нашего края и племени; накопленные въ Сагахъ—Gylfagining и Heimskringla съ паралельными мѣстами изъ исторіи Сакco Грамматика. Саги, изданныя въ русскомъ переводѣ 16 декабря 1876, суть насущная потребность для разъясненія читающей публики много слишкомъ темныхъ для насъ вопросовъ —

